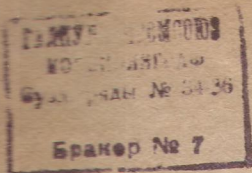

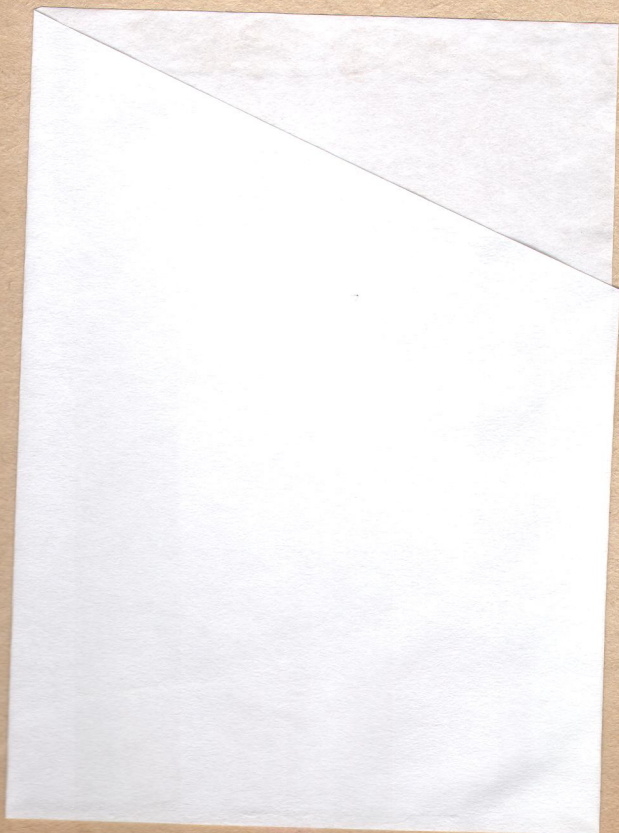
4505

памяти
Потемни А.А.

9/0

2481(2/7119
2448.4(44KP)7083

609 (1944/45) 2009
511/12/13

44565

34

9с

ПАМЯТИ

Александра Аѳанасьевича

ПОТЕБНИ

[† 29 ноября 1891 г.]

съ приложеніемъ портрета.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БИБЛИОТЕКА
№ 44565

ХАРЬКОВЪ.

Типографія К. Стаси, Сумская ул., д. № 1-й.

1892.

Проверено
ЦНБ 1939

80 08

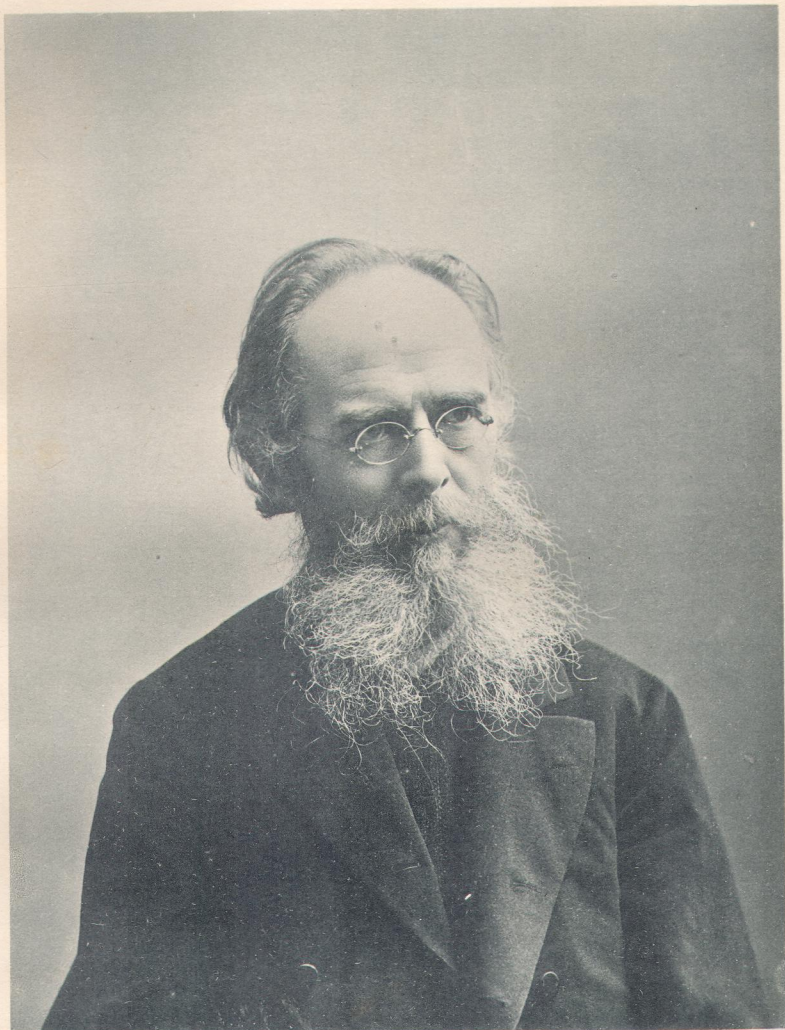
58

В кн. 16. 1.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи 17 Апрѣля 1892 г.

Предсѣдатель Профессоръ Дриновъ.

8984
79

Селютопечать С. В. Кульженко.

Александръ Ивановичъ
Потебня.

66

Изъ протоколовъ засѣданій Историко-Филологическаго Общества 29 Ноября 1891 г. и 12 Марта 1892 г.

29 Ноября 1891 года Историко-Филологическое Общество понесло тяжелую потерю: скончался Александръ Аонасьевичъ Потебня, въ теченіи 12 лѣтъ состоявшій предѣдателемъ Общества, его главной научной силой и нравственной опорой. Въ экстренномъ засѣданіи 4 Декабря, послѣ чествованія памяти покойнаго вставаніемъ, рѣшено было:

1) выразить семьѣ А. А. Потебни чувство глубокой горести и заявить о желаніи Общества оказать всякое содѣйствіе въ собираніи матеріаловъ для біографіи А. А. Потебни и въ изданіи его многочисленныхъ научныхъ трудовъ, оставшихся въ рукописяхъ, и

2) помѣстить въ 4 т. Сборника портретъ А. А., сказанныя при его погребеніи и на панихидахъ рѣчи и некрологи, одни цѣликомъ, другіе—въ сокращеніи.

По предложенію О. А. Павловскаго постановлено учредить при Обществѣ премію имени А. А. Потебни за лучшія студенческія сочиненія изъ круга предметовъ научныхъ изслѣдованій А. А. Потебни. Комиссія въ составѣ 6 членовъ: М. С. Дринова, Н. О. Сумцова, Д. И. Багалъя, М. Е. Халанскаго, Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, Б. М. Ляпунова, О. А. Павловскаго и В. П. Касперова—выработала правила преміи, которыя утверждены въ засѣданіи Общества 12 Марта 1892 г. для представленія на утвержденіе высшему начальству.

1) Премія утверждается при И.-Ф. Обществѣ и присуждается только за сочиненія студентовъ Харьковскаго университета.

2) Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ процентовъ съ капитала въ 2½ тысячи изъ пожертвованій, за лучшее сочиненіе на темы, предложенныя Обществомъ по исторіи русскаго языка или словесности, преимущественно изъ круга предметовъ научныхъ изслѣдованій А. А. Потебни.

3) Допускается представленіе сочиненій на тему ближайшаго истекшаго года, если премія за тотъ годъ осталась неприсужденной.

4) Сочиненіе представляется къ 15 Октября, а премія выдается 29 Ноября въ день кончины А. А. Потебни. Въ этотъ же день объявляются новыя темы на предстоящій годъ.

5) Присуждается премія комиссіей изъ 3 членовъ, изъ коихъ одинъ непременно долженъ быть изъ преподавателей Историко-Филологическаго факультета. Присужденіе утверждается въ засѣданіи Общества и съ мотивированнымъ отзывомъ вносится въ годовой его отчетъ.

6) Если въ какомъ либо году премія не будетъ выдана, то неизрасходованная сумма процентовъ или присоединяется къ основному капиталу для увеличенія размѣра преміи или, по умотрѣнію Общества, увеличивается число премій за лучшія сочиненія.

7) Въ случаѣ закрытія Общества все права и обязанности его по дѣлу о преміи переходятъ въ Историко-Филологическій Факультетъ Харьковского Университета.

По предложенію Н. Θ. Сумцова и ходатайству Историко-Филологическаго факультета, Правленіе ассигновало 50 руб. на пріобрѣтеніе для университета большаго фотографическаго портрета А. А. Потебни.

Похороны. Рѣчи по погребеніи. Телеграммы.

Въ Воскресенье 1 Декабря, въ 9-мъ часу утра тѣло скончавшагося профессора А. А. Потебни было перенесено въ университетскую церковь. Передъ выносомъ изъ квартиры усопшаго деканъ историко-филологическаго факультета проф. А. С. Лебедевъ сказалъ, отъ лица присутствовавшихъ тутъ профессоровъ-товарищей, слѣдующую глубоко прочувствованную рѣчь:

«Провожая на вѣчный покой останки дорогаго члена нашей университетской семьи, будемъ утѣшаться, что не умеръ, а вѣчно будетъ съ живущими жить духъ его: будетъ жить онъ и въ оставленныхъ почившимъ произведеніяхъ его высокаго ума, и въ воспоминаніяхъ, какія всегда будутъ храниться у насъ и грядущихъ поколѣній, въ исторіи, о его свѣтлой глубоко назидающей личности. *Праведники*, говоритъ намъ священное слово, *во вѣки живутъ*.—*Въ память вѣчную будетъ праведникъ*—тотъ, кто жилъ праведно, жилъ по правдѣ и ради правды,—правды мысленной и дѣятельной. А такимъ и знали все мы почившаго, какъ искренняго любителя, ревностнаго искателя и безбоязненнаго выразителя и служителя правды.—Да будетъ же вѣчная память тебѣ и о тебѣ, честный, подвигомъ добрымъ подвизавшійся дѣятель, не скрывшій въ землѣ, а преумножившій въ земной твоей жизни щедро данные тебѣ отъ Бога таланты. Sit tibi terra levis.

По окончаніи обѣдни, въ университетской церкви началась заупокойная панихида, совершенная настоятелемъ храма, профессоромъ богословія, о. Васи́ліемъ Добротворскимъ соборнѣ съ четырьмя другими священниками. На обѣднѣ и панихидѣ присутствовали: г. попечитель учебнаго округа, г. ректоръ университета, г. инспекторъ, деканъ историко-филологическаго факультета, много профессоровъ университета, нѣсколько бывшихъ профессоровъ (Е. С. Гордѣнко и И. Θ. Леваковскій), преподавателей, служащихъ, представителей харьковскаго педагогическаго міра и студентовъ. Церковь была полна молящихся. Гробъ вынесли сослуживцы покойнаго, профессора, а за тѣмъ всю дорогу до кладбища несли студенты. Крышку гроба украшали вѣнки—отъ «Совѣта Императорскаго харьковскаго

университета» (большой серебряный), отъ «историко-филологическаго факультета» (пзъ живыхъ цвѣтовъ съ надписью «незабвенному товарищу»), отъ «историко-филологическаго общества» (серебряный), отъ студентовъ университета (металлическій), отъ редакціи и сотрудниковъ журнала «Кіевская Старина» (серебряный). Пѣль студенческій хоръ. На могилѣ ректоръ университета М. М. Алексѣенко произнесъ слѣдующее краткое, но задушевное слово.

«Мы предаемъ землѣ прахъ замѣчательнаго ученаго, талантливаго профессора и чловѣка, достойнаго самаго глубокаго уваженія. Слава его, какъ ученаго, переживетъ его на многіе годы. Ученые труды его—общественное достояніе, которое будетъ передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію. То, что посеялъ онъ, какъ преподаватель, проростетъ, взростетъ и прославитъ его—прославитъ въ ученикахъ. Но чловѣка мы потеряли, и это—тяжелая утрата въ небогатое людьми время. Мы потеряли товарища, члена университетской коллегіи, и нашъ нравственный долгъ—въ эти скорбныя и торжественныя минуты воздать ему заслуженную хвалу. Его жизнь, полная беззавѣтной преданности наукѣ, чуждая житейской суеты, далекая отъ борьбы и столкновеній личныхъ интересовъ, да послужитъ образцемъ для тѣхъ кого онъ воспитывалъ, опорою для колеблющихся и утѣшеніемъ для тѣхъ, которые избрали такой же путь. Прими же послѣднее прощаніе отъ оплакивающихъ тебя товарищей».

Въ 9 день по кончинѣ А. А. Потебни заслуженный профессоръ богословія протоіерей В. И. Добротворскій сказалъ слѣдующее слово передъ панихидою:

«Смерть унесла отъ насъ одного изъ самыхъ уважаемыхъ нашихъ сочленовъ, котораго память мы нынѣ собрались творить. Смерть прекратила его земную жизнь, но запечатлѣла въ насъ его образъ, представленіе о его трудовой уметвенной жизни отъ ея начала до конца.

Александръ Аѳанасьевичъ началъ и закончилъ свое образованіе въ сравнительно суровой школѣ прежняго времени; тамъ учили немногому, но то немногое, которое тамъ сообщалось, знали хорошо. То былъ, можно сказать, скелетъ по отношенію къ истинно-научному знанію, но прошло время, скелетъ сталъ облагаться плотію и кровію, оживотворяться, возрастать и увеличиваться. Начало самостоятельной дѣятельности Александра Аѳанасьевича совпадаетъ съ эпохою все-

общаго возбужденія и оживленія русской жизни во всѣхъ родахъ дѣятельности, безъ сомнѣнія и уметвенной. Скажемъ объ этой эпохѣ примѣнительно къ словамъ праведнаго Симеона: «тогда откроются многихъ сердець помышленія» (Лук. 2, 35). И они дѣйствительно, стали повсюду открываться въ явленіяхъ, далеко не всегда желательныхъ. Открылись и сердечныя помышленія Александра Аѳанасьевича; это—безграничная преданность наукъ до самоотверженія, его жизненные интересы сосредоточивались въ научныхъ изысканіяхъ.

«Блаженъ путь, въ онъ же идеши днесъ, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія», возглашается при погребеніи усопшихъ. Но блаженъ для тѣхъ, которые предварительно шли добрымъ путемъ и подвизались на немъ подвигомъ добрымъ. Среди повсюднаго шатанія и увлеченій Александръ Аѳанасьевичъ шелъ своимъ ровнымъ, прямымъ царскимъ путемъ, не уклоняясь ни на десно, ни на шее, (4 Цар. 22, 2) въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Подвигъ, которымъ онъ подвизался, былъ добрый, какъ самъ по себѣ, потому что состоялъ въ изысканіи истины, такъ и по тѣмъ благимъ плодамъ, которыми сопровождался; разумѣемъ не одни ученые труды Александра Аѳанасьевича, но и то вліяніе, которое онъ производилъ на другихъ, возбуждая и укрѣпляя въ нихъ духъ строго-научнаго изслѣдованія.

Предметомъ его научныхъ изслѣдованій была область нашего родного, отечественнаго слова; онъ глубоко постигалъ тайны строенія и нашего прародительскаго языка, того языка, на которомъ изглаголамо намъ слово Божіе. Ученые труды Александра Аѳанасьевича много могутъ содѣйствовать къ выясненію и уразумѣнію возвышеннаго, глубоко-жизненнаго смысла этого слова, такъ затрогивающаго душу православнаго русскаго человѣка.

Да дастъ ему Господь, по отшествіи отъ насъ, услышать тѣ неизреченныя на языкѣ человѣческомъ глаголы, которые составляютъ радость и блаженство сущихъ въ небесныхъ обителяхъ Отца свѣтовъ и Господа разумовъ».

По случаю кончины А. А. Потебни, вдовой покойнаго, ректора университета и нѣкоторыми профессорами получены были отъ разныхъ научныхъ учреждений и частныхъ лицъ—профессоровъ и учителей—телеграммы и письма съ выраженіемъ чувства скорби. Не касаясь частныхъ писемъ (отъ проф. Корша, проф. Будиловича, А. А. Русова и др.) отмѣтимъ лишь слѣдующія телеграммы:

1) На имя вдовы М. Ф. Потебни отъ историко-филологическаго факультета Варшавскаго университета: Съ глубокой скорбью узнавъ о кончинѣ незабвеннаго въ исторіи русской филологіи Александра Аѳанасьевича, ист. фил. факультетъ Варшавскаго университета шлетъ вамъ выраженіе своего искренняго участія и соболѣзнованія. Деканъ Будиловичъ, профессоры: Смирногъ, Гротъ, Первольфъ, Кулаковскій, Созоновичъ, Цвѣтаевъ, Филевичъ, Зенгеръ, Вѣховъ, Ульяновъ, Новосадскій.

2) На имя М. Ф. Потебни отъ проф. А. И. Александрова (изъ Казани): Невыразимо тяжела утрата дорогаго Александра Аѳанасьевича. Глубоко сочувствую вамъ.

3) На имя проф. Н. Θ. Сумцова отъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (изъ Москвы): Императорское общество любителей ест., антр. и этн. проситъ васъ передать вдовѣ профессора Потебни свое глубокое сочувствіе по поводу незамѣнимой утраты, постигшей ее и всю русскую науку. Президентъ Анучинъ. Секретарь Гондатти.

4) На имя ректора М. М. Алексѣенка изъ Петербурга: Прошу передать семейству почившаго А. А. Потебни глубокое соболѣзнованіе одного изъ слушателей незабвеннаго профессора и труженика науки. Шумигорскій.

5) На имя г. ректора изъ Пензы: Бывшіе студенты Харьковскаго университета, служащіе въ Пензѣ, сегодня молились объ усопшемъ любимомъ профессорѣ А. А. Потебнѣ и выражаютъ свою скорбь о незамѣнимой потерѣ, понесенной въ его лицѣ университетомъ. Инспекторъ 1 гимназіи Бѣляевъ.

6) Вдовой покойнаго профессора А. А. Потебни получена изъ Парижа отъ профессоровъ А. И. Кирпичникова и И. И. Мечникова слѣдующая телеграмма:

Avec profonde regrêt, opprimés de la mort du cher maître et ami, nous participons pleinement à votre malheur.

(Съ глубокимъ сожалѣніемъ, удрученные смертію дорогаго учителя и друга, вполне раздѣляемъ горе по случаю постигшаго Васъ несчастья).

Статья Н. Θ. Сумцова (въ 310 № „Харьк. Вѣд.“ 1891 г.)

Въ исторіи русской филологической науки, въ исторіи Харьковского университета имя скончавшагося Александра Афанасьевича Потебни вписано неизгладимыми чертами, какъ имя глубокаго ученаго, достойнѣйшаго преподавателя, человѣка благороднѣйшей души. Невозможно очертить въ краткомъ некрологѣ его плодотворную научную дѣятельность. Достаточно здѣсь сказать, что А. А. былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и учреждений: русскихъ и западно-славянскихъ, что научные его труды были удостоены высшихъ наградъ со стороны академіи наукъ и географическаго общества, что филологическія и этнографическія его сочиненія получили самую высокую оцѣнку у Срезневскаго, Будиловича, Ламанскаго и Пыпина. Это была перво-классная умственная сила, равной которой не было на историко-филологическомъ факультетѣ Харьковского университета за все 85 лѣтъ его существованія, и нѣтъ въ настоящее время среди филологовъ всего славянскаго міра. Глубокое изученіе формальной стороны языка у Александра Афанасьевича шло рядомъ съ философскимъ пониманіемъ языка, рядомъ съ любовью къ поэзіи и искусству. Покойный уважалъ все разумное, доброе, честное. Это была замѣчательно свѣтлая, симпатичная, многосторонне развитая личность. А. А. поражалъ и импонировалъ цѣлностью своего міросозерцанія и строгостью нравственныхъ принциповъ. На кафедрѣ онъ являлся учителемъ въ лучшемъ благороднѣйшемъ смыслѣ слова. На всемъ его преподаваніи лежалъ яркій отпечатокъ его эстетически-изящной, глубоко-человѣчной и любящей души. Въ каждомъ его словѣ слышалось живое личное увлеченіе наукой, какъ высшимъ проявленіемъ человѣческаго духа, уваженіе къ личности человѣка и къ личности народа. Въ принципиальныхъ вопросахъ это былъ человѣкъ строгій, безъ отклоненій, безъ дружбы и безъ вражды, и рядомъ съ этой непреклонной нравственной требовательностью, прилагаемой безусловно къ собственной личности и къ собственнымъ научнымъ трудамъ, уживалось доброе, мягкое и гуманное чувство въ частныхъ проявленіяхъ личной жизни и готовность

помочь матеріально и нравственно. На учащуюся молодежь петрико-филологическаго факультета Александръ Аѳанасьевичъ всегда оказывалъ большое нравственное вліяніе. Студенты, и старые и новые, уважали въ лицѣ А. А. человѣка, глубоко преданнаго наукѣ, постоянно работающаго, полнаго хозяина въ области филологическихъ знаній, вполне независимаго, человѣка съ цѣльной нравственною личностію. Какъ преподаватель А. А. открывалъ обширные научные горизонты, намѣчалъ и прокладывалъ новые пути для научной работы, поднималъ умственный и нравственный уровень своихъ слушателей. Его нравственный характеръ и научная дѣятельность служили всегда опорой и образцомъ для лучшихъ представленій о значеніи университета и профессора.

Подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ послѣдняго прощанія съ дорогимъ усопшимъ, его благодарные и признательные ученики не могутъ теперь дать надлежащаго отчета о величинѣ постигшей нашъ университетъ утраты, но оправившись отъ перваго удара чувства горести, они, несомнѣнно, соединятъ свои усилія для чествованія памяти своего незабвеннаго наставника.

Прійми-же дорогой учитель, отъ меня, всею душою тебѣ преданнаго ученика, мой послѣдній низкій поклонъ любви и благодарности, прійми эту слабую поминку мою, какъ выраженіе моею глубокою скорби объ утратѣ твоего личнаго благотворнаго вліянія.

Статья Н. Θ. Сумцова (въ Český lid 1892 № III 314).

Dne 29. listopadu (dle rusk. kalendáře) zemřel vynikající filolog a ethnograf, professor charkovské university Alexandr Afanasjevič Potebnja ve stáří 57 let. V r. 1887 Potebnja byl zvolen za člena král. české společnosti nauk. Kromě toho byl členem mnohých ruských vědeckých společností, dopisujícím členem petrohradské akademie nauk a během 12 let předsedou charkovského historicko-filologického spolku. Z mnohočíslných jeho prací hlavními jsou z oboru dějin jazyka „Iz zapisok po russkoj grammatiki“ (Ze zápisek ruské grammatiky) a z oboru ethnografie dva rozsáhlé díly „Objasnenija o malorusskich i srodných s nimi pěseň“ (O maloruských a příbuzných s nimi písních), „Obzor poetičeskich motivov koljadok i ščedrovok“ a j. v. Byla to jedna z předních sil mezi slovanskými učiteli. Rozsáhlost jeho vědění byla překvapující. Vynikal bystrým rozumem a obšírnými vědomostmi. V oblasti studia ruského jazyka Potebnja jeví se jediným zástupcem filosofického směru. V jeho výkladu, jmenovitě při přednáškách, jazyk není pouhým systémem vět, forem a zvuků ale živým, organickým vtělením lidské myšlenky. Dejiny jazyka u něho byly zároveň dějinami myšlenky a dějinami lidské kultury.

Potebnja byl člověk s ustáleným a originalním světovým názorem, s nezvratnými mravními zásadami. Na celé jeho osobě tkvěla něha šlechtné, lidumilné duše. Jeho mravní charakter a vědecká činnost mohou býti příkladem pro nejlepší představy o úkolu a významu universitního profesora.

Примѣчаніе. Подробная статья Н. Θ. Сумцова объ этнографическихъ трудахъ А. А. Потебни печатается въ Кіевской Старинѣ 1892 г. (Янв.—Май). Извлеченія изъ этой статьи вошло въ перепечатываемую ниже статью Д. И. Багалѣя.

Статья М. Е. Халанскаго (въ IV кн. Рус. Фил. Вѣст. 1891 г.)

ПАМЯТИ А. А. ПОТЕБНИ.

Свѣжая могила, преждевременная смерть, тяжелая, незамѣнимая утрата! 29 Ноября въ 4 ч. дня въ Харьковѣ скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни профессоръ Александръ Афанасьевичъ Потебня на 58 году отъ рожденія. Въ лицѣ покойнаго русская наука потеряла могучаго своего представителя, горячо и страстно преданнаго ей интересамъ, всецѣло жившаго въ сферѣ науки и для науки. Безъ устали, не покладая пера, покойный работалъ, пока могъ, пока были силы.... Выдающеюся особенностью ума Потебни была способность возвышаться надъ частнымъ, стремленіе возводить единичное къ общему. Широта его обобщеній была поразительна. Съ высоты своихъ отвлеченій онъ орлинымъ взглядомъ обозрѣвалъ частные факты, открывая близость и поразительное сходство въ такихъ явленіяхъ, которыя на взглядъ кажутся довольно отдаленными другъ отъ друга. Мѣткости его обобщеній способствовала обширность его познаній. Онъ не былъ узкимъ специалистомъ въ области славянской филологіи: онъ владѣлъ обширными познаніями и въ области другихъ наукъ. Общія выводы другихъ наукъ онъ привлекалъ къ своей спеціальности и такимъ образомъ сообщалъ своему предмету удивительно широкую постановку. Въ области изученія русскаго языка Потебня оставался и остается у насъ единственнымъ представителемъ философскаго направленія. Кто знаетъ Потебню по печатнымъ его трудамъ, тотъ его мало знаетъ. Нужно быть ученикомъ Потебни, знать его ближе, чтобы вполне оцѣнить великость настоящей утраты. Насколько сухи и иногда тяжелы для пониманія его изслѣдованія, настолько рѣчь его была жива и увлекательна. Въ изложеніи Потебни языкъ являлся не отвлеченной системой фразъ, словъ и звуковъ, а живымъ организмомъ, развивающимся по свойственнымъ ему законамъ, чистѣйшимъ выраженіемъ человѣческаго разума, воплощеніемъ человѣческой мысли. Исторія языка у Потебни была вмѣстѣ исторіей мысли и исторіей культуры.

Богатырь мысли, Потебня могъ съ своихъ обобщенійхъ подниматься на удивительно высокую степень отвлеченій. Это былъ мыслитель, восходившій отъ явленій языка къ высшимъ вопросамъ философіи, поэзіи, искусства, исторіи и общественной жизни. Слушать его—было петиннымъ наслажденіемъ. Слѣдипъ бывало за постепеннымъ ходомъ его отвлеченій и умозаключеній и, удивляясь изумительной крѣпости его мысли, силѣ его логики, вмѣстѣ трепещешь, затанвъ дыханіе,—боишься—вотъ-вотъ оборвется, не кончить или окончить какъ-либо парадоксомъ; какъ вдругъ онъ завершитъ длинную цѣпь своихъ мыслей блестящимъ афоризмомъ, поражающимъ силой выраженія, глубиной смысла и широтой объема, ярко освѣщающимъ массу частныхъ фактовъ. Потебня не успѣлъ написать и напечатать того, о чемъ онъ думалъ и говорилъ. Жаль, что кругъ его слушателей былъ слишкомъ ограниченъ и между ними было мало подготовленныхъ къ воспріятію и усвоенію его сужденій!

Замѣчательной личностью Потебня былъ и по нравственнымъ своимъ достоинствамъ. Это былъ человѣкъ высочайшей честности, непреклонной прямоты и совершеннѣйшей искренности своихъ воззрѣній, правилъ и поступковъ. Самъ не отступавшій отъ своихъ высокихъ идеаловъ, Потебня безпощаднымъ словомъ мѣткого и суроваго обличенія мужественно казнилъ другихъ за отступленія отъ идеаловъ правды и добра. Владѣя богатѣйшимъ запасомъ словъ и выраженій русскаго народнаго языка, Потебня однимъ мѣткимъ словомъ, кетати сказанной пословицей могъ, какъ говорится, уничтожить человѣка. Впечатлѣніе его слова усиливалось живою игрой его глазъ и лица красиваго, изящнаго, благороднаго, способнаго выражать оттѣнки разнообразныхъ чувствъ—отъ кроткой и нѣжной привязанности, тонкаго и изящнаго «малороссійскаго» юмора до самой злой желчи и всекарающей сатиры.

Какъ университетскій преподаватель, Потебня стоялъ на всей высотѣ своего положенія. Это былъ профессоръ въ высшемъ благороднѣйшемъ смыслѣ слова—профессоръ «отъ головы до ногъ». Его просвѣтительная дѣятельность не ограничивалась стѣнами аудиторіи и университета, по вечерамъ она переносилась въ его кабинетъ, и вотъ здѣсь то Потебня являлся во всемъ блескѣ своего таланта, поражая слушателей колоссальной эрудиціей и замѣчательной силой и гибкостью своего ума. На студентовъ, своихъ учениковъ, онъ оказывалъ сильное, неотразимое вліяніе, оставлявшее неизгладимые слѣды на всю жизнь. Они преклонялись предъ его научною дѣятельностью,

благоговѣли передъ его честностью и правдой. Всегда строгій къ себѣ и другимъ, рѣдко улыбавшійся, всегда сосредоточенный,—онъ внѣшнимъ своимъ видомъ внушалъ почтеніе. Мы не знали за Потебней отклоненій отъ правилъ законности, честности, правды и добра, и онъ казался намъ олицетвореніемъ идеала въ дѣйствительности. И ему были близки интересы студентовъ. Въ этомъ человѣкѣ, съ виду сухомъ, холодномъ, и подчасъ и рѣзкомъ, билось нѣжное и любящее сердце. Для его слушателей всегда была открыта дверь его дома. Студентамъ онъ никогда неотказывалъ въ своей нравственной помощи. Тяжело больныхъ студентовъ-бѣдняковъ, нуждавшихся въ особой помощи, Потебня посѣщалъ на квартирѣ, дѣлая это такъ, что объ этомъ знали немногіе. Онъ никогда не искалъ популярности; студентовъ влекло къ нему обаяніе его высоко-нравственной личности. Велѣдствіе этого между Потебней и его учениками устанавливалась крѣпкая нравственная связь. Образомъ Потебни, обаяніемъ его личности жили и живутъ разбѣянные по разнымъ провинціальнымъ закоулкамъ его бывшіе слушатели—учителя русскаго языка и словесности. Для нихъ Потебня—символъ всего лучшаго въ природѣ человѣческой, яркій лучъ свѣта изъ временъ студенчества.

Кому изъ бывшихъ его слушателей случалось прїѣзжать въ Харьковъ, тотъ считалъ нравственной потребностью побывать у него, подѣлиться съ нимъ своимъ горемъ и радостью, освѣжиться въ бесѣдѣ съ нимъ. И къ нимъ покойный относился замѣчательно тепло, съ сердечнымъ отеческимъ участіемъ къ ихъ нуждамъ, радости и горю. Распросы, разговорамъ конца небыло; субботніе вечера въ домѣ покойнаго затягивались далеко за полночь.... И измученны дразгами житейскими уходили отъ него, очарованные его рѣчами, ободренные свѣтлой вѣрой въ торжество разума правды и добра, которой самъ покойный былъ глубоко проникнутъ.

Потебня былъ натурой исключительной, человѣкомъ «не отъ міра сего»; такіе люди вѣками появляются. Въ исторіи собственно Харьковской культурной жизни онъ своимъ обаяніемъ, ореоломъ своей славы напоминаетъ извѣстнаго мѣтнаго философа прошлаго вѣка, «украинскаго сократа», Сковороду (1722—1794), изреченія котораго и любилъ приводить покойный.

Вѣчная память тебѣ дорогой,
незабвенный учитель!

Статья А. Горнфельда о лекціяхъ А. А. Потебни (въ 335
№ Харьк. Вѣд. 1891 г.).

(Изъ воспоминаній бывшаго слушателя).

Время, непосредственно слѣдующее за смертью выдающихся людей, чаще всего вызываетъ на воспоминаніе; острое чувство потери человѣка дѣлаетъ эти воспоминанія ярче и живѣе. Безвременная смерть А. А. Потебни пришла такъ неожиданно, что не сразу дала возможность опомниться; теперь-же, когда непосредственное ощущеніе тяготы остыло, отстоялось я позволяю себѣ подѣлиться съ другими нѣкоторыми воспоминаніями о лекціяхъ покойнаго профессора. Я не разсчитываю дать что нибудь цѣльное и законченное въ родѣ характеристики профессора—я былъ у него только случайнымъ слушателемъ въ теченіи одного года и центръ тяжести моихъ занятій лежалъ тогда въ другомъ мѣстѣ; я думалъ только почтить дорогую мнѣ память усопшаго, внести и свою долю въ матеріалы для его будущей біографіи и, если удастся, сообщить другимъ хоть незначительную частицу того настроенія, какое создавала для насъ его лекція.

Это было въ весеннемъ семестрѣ. Я скучалъ въ сборномъ залѣ въ ожиданіи лекцій, когда ко мнѣ подошелъ знакомый студентъ — математикъ: «Пойдемъ, послушаемъ Потебню». — «Вотъ охота, — какой нибудь перебой звуковъ? И такъ скучно». — «Нѣтъ, теорія словесности и, право, хорошо». — «Пойдемъ пожалуй». Съ тѣхъ поръ я не пропускалъ этихъ лекцій; впечатлѣніе, вынесенное мной изъ первой лекціи, только усиливалось въ теченіи послѣдующихъ; все показалось мнѣ здѣсь новымъ, необычнымъ, своеобразнымъ, все призывало къ иному отношенію къ дѣлу и къ словамъ профессора. Какъ теперь, помню эту маленькую аудиторію, десятокъ слушателей и серьезную, вдумчивую рѣчь учителя. Да, для насъ это былъ именно «учитель» въ наиболѣе возвышенномъ смыслѣ, учитель, принесшій сюда всего себя, — всю многолѣтнюю работу мысли, все свои неисчерпаемыя богатства знанія, всю горячую любовь къ истинѣ, философское міросозерцаніе и — самое дорогое въ немъ — чисто юношеское одушевленіе, сообщавшееся непосредственно слушателямъ.

Уже съ самаго начала васъ подкупала эта своеобразная манера изложенія: это былъ простой разговоръ о весьма сложныхъ вещахъ. Ничего, напоминающаго рѣчь съ кафедры, приготовленную, плавную, искусственную. Точная, ясная, сжатая, какъ на мѣди гравированная, формула создавалась чаще всего здѣсь, на вашихъ глазахъ. Онъ оставался, задумывался, рылся въ своей сѣренькой папкѣ, перебиралъ и пересчитывалъ бумажки; мы ждали, пока онъ съ напряженіемъ, обличавшимъ сильную работу мысли, задумчиво, сосредоточенно, раздѣльно выставлялъ положеніе; затѣмъ переходилъ къ его развитію или обоснованію. Иногда онъ спрашивалъ: «Понимаете»?—и, несмотря на утвердительный отвѣтъ, посмотрѣвъ на студентовъ, говорилъ: «Нѣтъ, не понимаете»—и излагалъ мысль снова, въ другой связи, въ другомъ развитіи. Иногда лекція переходила въ діалогъ; онъ спрашивалъ, заставлялъ студентовъ самихъ задуматься, пользовался ихъ ошибками для дальнѣйшихъ выводовъ, указывая на характерность и психологическую необходимость этихъ ошибокъ. Несмотря на то, что въ его рѣчи не было ничего предвзятаго, подготовленнаго,—все было рассчитано на то, чтобъ будить и будить мысль, дѣлать ее ясной, послѣдовательной, самостоятельной. Процессъ мысли совершался въ немъ такъ наглядно, такъ выпукло, я сказалъ бы,—такъ изящно, что ученика втягивало въ эту работу. Вы не были пассивнымъ слушателемъ, а какъ-бы сотрудникомъ, потому-что эти идеи не усваивались легко: онѣ требовали самодѣятельности. Это не было гладкое изложеніе элементарной системы цеховой науки—наука создавалась здѣсь и вы участвовали въ ея созданіи. Слушатель уходилъ изъ аудиторіи не съ готовыми общими мѣстами, а съ новыми мыслями, продолжавшими свое теченіе и на другой лекціи, и дома, и въ вечерней товарищеской бесѣдѣ. Вся система изложенія вела не къ удобству запоминанія, а къ возбужденію мышленія. Иногда, высыпавши цѣлую груду разнообразныхъ и, на первый взглядъ, несвязанныхъ фактовъ, профессоръ вдругъ освѣщалъ ихъ такимъ захватывающимъ обобщеніемъ, что слушателя словно освѣняло. Иногда онъ вдругъ выставлялъ положеніе интересное и важное, но совсѣмъ несвязанное съ предыдущимъ и послѣдующимъ, какъ будто онъ только что вспомнилъ это и, боясь позабыть, спѣшилъ подѣлиться съ нами. Помню одинъ разъ онъ разбиралъ ученіе Аристотеля объ элементарныхъ формахъ поэтического творчества, читалъ много выписокъ, но не успѣлъ сдѣлать вывода; звонокъ прозвонилъ, онъ остановился, задумался и вдругъ

сказалъ: «Искусство всегда идетъ впереди науки: ну-да, такъ оно и должно быть. Въ вопросахъ соціологіи и психологіи это особенно очевидно». Связи съ предшествующимъ небыло никакой, но такъ дѣятельна была его мысль, такимъ широкимъ путемъ шла, что для насъ ея теченіе было всегда какъ-то шире того, что непосредственно касалось излагаемаго предмета: факты, сообщаемые имъ, будили новыя отвлеченія въ другихъ областяхъ мысли и онъ бросалъ ихъ мимоходомъ. Особенно часто это приходилось на долю психологіи, и его психологическіе выводы изъ филологическихъ фактовъ были чрезвычайно интересны; такъ, припоминаю для примѣра выясненіе путемъ исторіи языка того общезвѣстнаго положенія, что врожденныхъ категорій времени, пространства и т. д. человѣкъ не имѣетъ, что онъ рождается только со способностью воспріятія. Къ истинѣ можно вести по глухой тропинкѣ и по широкой дорогѣ; онъ велъ насъ этимъ послѣднимъ путемъ, не забывая указывать на каждое встрѣчное явленіе, на каждый интересный фактъ. И вся эта масса фактовъ разнообразныхъ и сложныхъ свободно запоминалась, легко укладывалась въ обобщенія, которыя она иллюстрировала. На этихъ иллюстраціяхъ стоить особенно остановиться. Все вело профессора къ тому, чтобъ обставлять свою мысль множествомъ примѣровъ, дѣлать ее какъ можно болѣе конкретной—его строгое положительный методъ изслѣдованія, его основныя идеи о значеніи образа, его поэтическая натура, его обширныя знанія. Онъ легко, широкой рукой черпалъ груды доказательствъ изъ области сравнительнаго языкознанія, исторіи литературы, философіи, психологіи. Русское словечко, только что выхваченное изъ пѣдръ народной жизни, и «Изреченіе» Гете, «Гамлетъ» и «Египетскія ночи», новелла Боккачіо и фраза изъ «Конперфильда», книга Аристотеля и замѣчаніе Буслаяна, Гейне и Ливій, Апулей и Мицкевичъ, поговорка и романъ, пѣсенка и поэма проходили чредой предъ ученикомъ, разомъ вызывая, развивая и подкрѣпляя требуемую мысль. Безконечное разнообразіе и богатство отдѣльно, мимоходомъ, между прочимъ брошенныхъ цитатъ, сравненій, сопоставленій, замѣчаній дѣлали изъ этой простой тихой бесѣды блестящую, тонкую и остроумную *causerie*. И затѣмъ, это художественное чтеніе образцовъ литературы, этотъ благородный складъ рѣчи, этотъ изящный, поэтический, рельефный языкъ — все вело къ тому, чтобъ вполне отдаться содержанію этой рѣчи.

И здѣсь мы встрѣтили нѣчто совершенно неожиданное. Новый міръ открывался предъ изумленными учениками. Изслѣдованію произ-

веденій искусства давались такіа точныя истинно-научныя основы, о какихъ еще мечтаетъ теорія искусства. Тѣ самые вопросы, которые по неясной постановкѣ, по партійнымъ вліяніямъ, по неумѣнію и незнанію служатъ яблокомъ раздора въ критической литературѣ, здѣсь получали, если не рѣшеніе, то путь къ нему, повѣренный и надежный. Иначе и быть не могло при данномъ методѣ: то, что рѣшалось у насъ походя, изъ предвзятыхъ произвольныхъ положеній, строилось здѣсь только изъ вѣрнаго, очищеннаго научной критикой матеріала. Этотъ позитивизмъ былъ особенно неожиданъ въ области, гдѣ такъ властно царить до сихъ поръ нѣмецкая метафизика «курсовъ» теорій словесности и прогрессивные или консервативные «принципы» журнальных критиковъ, равно безпочвенные, равно апріорные, равно оторванные отъ живыхъ явленій въ сферѣ искусства, равно занимающіеся не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, что имъ было-бы желательно. И эти разнообразныя литературныя мнѣнія примирялись здѣсь не путемъ натяжекъ и уступокъ, не вялымъ безразличіемъ, не той «широкостію», которую Достоевскій противопоставлялъ широтѣ: въ новомъ свѣтѣ основныхъ идей профессора объединялись эти противоположныя теоріи; въ его широкомъ взглядѣ на творчество и его законы было мѣсто всякимъ мнѣніямъ и, повторяю, не въ ущербъ категорической определенности этого взгляда и не въ угоду эклектической формулѣ: «съ одной стороны нельзя не сознаться» и т. д. Надъ этой расплывчатостію онъ любилъ пошмѣяться и, помню, съ улыбкою объяснялъ, что значить выраженіе «пальцемъ въ небо», «Небо, говорилъ онъ, велико и попасть въ него не трудно—куда ни ткни, вездѣ будетъ небо; а вотъ определенную точку въ небѣ указать...» И къ чужому мнѣнію онъ всегда умѣлъ отнестись съ тѣмъ высоко академическимъ тактомъ, который свойственъ лишь людямъ, стоящимъ на высотѣ знанія: чужая мысль отвергается неограниченно, рѣзко, непреклонно—и въ то же время такъ мягко и деликатно, какъ будто затрагивается душевная жизнь самаго близкаго человѣка.

Это, между прочимъ, особенно ярко и любопытно проявилось на отношеніяхъ профессора къ извѣстной диссертациі «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», основной взглядъ которой (о превосходствѣ дѣйствительности надъ искусствомъ) былъ съ его точки зрѣнія только плодомъ печальнаго недоразумѣнія. Здѣсь не мѣсто, конечно, излагать тѣ воззрѣнія, которыя онъ ставилъ исходнымъ пунктомъ своей «теоріи словесности». Кой что онъ успѣлъ высказать

въ своихъ печатныхъ трудахъ, кой что заключается, быть можетъ, въ его посмертныхъ произведеніяхъ, которыя надо надѣяться, будутъ изданы. Глубина, богатство и значеніе его взглядовъ въ этой области и, въ частности, въ вопросахъ психологіи творчества, достаточно ограждаютъ ихъ отъ изложенія въ скромныхъ воспоминаніяхъ случайнаго слушателя. Мнѣ хотѣлось только указать на одну характерную и, смѣю думать, многообъясняющую особенность его метода: на стремленіе вести изслѣдованіе отъ простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ. Опредѣляя искусство, какъ мышленіе въ образахъ, онъ излагалъ долгую и сложную исторію языка; слово являлось въ этой исторіи продуктомъ послѣдовательныхъ переходовъ мысли, гдѣ каждый переходъ былъ созданіемъ новаго образа: исторія языка становилась исторіей искусства и поэтическое выраженіе дѣлалось не матеріаломъ, не украшеніемъ рѣчи, а самостоятельной, элементарной, простѣйшей формой художественнаго творчества. И, какъ естественныя науки, разлагая сложные явленія на простѣйшія или выбирая для изслѣдованія изъ системы явленій наименѣе сложные, достигли громадныхъ результатовъ, такъ и въ этой области примѣненіе метода изслѣдованія элементарныхъ формъ, привело къ блестящему успѣху.

Я хотѣлъ бы теперь сказать нѣсколько словъ о томъ нравственномъ воздѣйствіи, какое оказывалъ профессоръ на слушателей, но я мало вращался въ кругу его профессиональныхъ, постоянныхъ учениковъ, студентовъ-филологовъ; позволяю себѣ поэтому разсказать кой-что о тѣхъ немногихъ, съ которыми я былъ близокъ.

Духовное вліяніе профессора на мой кружокъ было громадно. Въ эти тяжелые дни смѣшенія понятій, отрицанія «забытыхъ словъ», мы неожиданно встрѣтились съ такимъ возвышеннымъ, поистинѣ «человѣческимъ» міросозерцаніемъ, какое знали только изъ книгъ, да и то едвали понимали по настоящему. Профессоръ наполнялъ своей личностью, своимъ содержаніемъ, своими воззрѣніями; за ученымъ мы видѣли человѣка, за теоретическимъ изложеніемъ специальной науки намъ видѣлась другая правда, которая передавалась намъ не доказательствами, а убѣжденіемъ, не логическимъ анализомъ, а настроеніемъ. Ни въ партійной узости, ни на распутьи оставаться было нельзя—насъ тянула эта широта взглядовъ, это проникновеніе въ суть явленій, это стремленіе индивидуализировать явленіе, не вгоняя его насильно въ прямолинейныя обобщенія; съ другой стороны зарождалось убѣжденіе, что широта не есть индифферентизмъ, что даромъ она не дается—

надо имѣть на нее право, что мало хотѣть—надо умѣть и смѣть быть широкимъ, что она, наконецъ,—тоже крестъ, ибо требуетъ жертвъ и приносить отвѣтственность.

Въ лекціяхъ по теоріи словесности не могли, конечно, имѣть мѣсто тѣ «вѣчные вопросы», которые составляютъ оффиціальныи удѣлъ философа и теолога,—но именно эти вопросы составляли фонъ многихъ лекцій и въ какой формѣ, въ какой обработкѣ!.. Съ горящими глазами, съ задумчивой улыбкой, съ волненіемъ челоуѣка, говорящаго о «самомъ важномъ», профессоръ дѣлился съ учениками продуманнымъ, пережитымъ, старался ввести ихъ въ свое міровозрѣніе, въ свое пониманіе истины. Для насъ это было по истинѣ «новое слово»,—новое до неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительное по той быстротѣ, съ какой оно становилось близкимъ, своимъ, понятнымъ, по той пластичности, съ какой входило въ составъ міросозерцанія. Стѣны маленькой аудиторіи раздвигались. Предъ взволнованнымъ слушателемъ вставалъ безконечный просторъ царства мысли, царства правды. Это было то, зачѣмъ мы шли въ университетъ...

Я вспоминаю рядъ лекцій, носившихъ неопредѣленное названіе „Обзора поэтическихъ произведеній“. Профессоръ пытался объединить нѣсколько весьма далекихъ другъ отъ друга произведеній общей идеей: идеей одиночества личности въ „потокѣ событий“ и—еще шире—идеей сопоставленія единицы съ безконечнымъ. „Мѣдный Всадникъ“, „Германъ и Доротея“. санскритская басня и «Пѣсня о Горѣ-Злочастьѣ» получали новое истолкованіе, оригинальное и глубокое, являлись въ новомъ свѣтѣ и, объединенныя въ этомъ широкомъ обобщеніи, пріобрѣтали особенное значеніе. Это былъ блестящій образецъ истинной критики—научнаго изслѣдованія произведеній искусства; ученый изслѣдователь не гнался за указаніемъ недостатковъ или внѣшнихъ достоинствъ, съ точки зрѣнія теорій „прикладнаго“ или „чистаго искусства“; онъ не уходилъ въ библіографическія подробности, онъ наконецъ, и не занимался здѣсь публицистикой, выясненіемъ общественнаго значенія произведенія—онъ захватывалъ глубже; поэтическое произведеніе, вновь переживуемое и продуманное вставало предъ ученикомъ въ новомъ пониманіи во всей своей цѣлости, красотѣ и глубинѣ; ученику сообщалось «настроеніе» произведенія, его внутренній міръ, его психика—отсюда и истинное пониманіе его значенія. Два критерія выставилъ профессоръ для оцѣнки поэтическаго произведенія: новизну обобщенія и широту его. Съ одной стороны, произведеніе

постольку важно, поскольку оно вносит что-нибудь новое; оно велико, если оно — дальнѣйшая ступень въ исторіи мышленія, если оно — дѣйствительный «переходъ мысли отъ неизвѣстнаго къ извѣстному»; съ другой стороны, поэтической образъ тѣмъ выше, чѣмъ обобщеніе, заключенное въ немъ, шире, многостороннѣе, живучѣе, чѣмъ большій кругъ разнообразныхъ явленій дѣйствительности оно захватываетъ. Съ этой точки зрѣнія падала, конечно, общественно-партіиная оцѣнка произведенія, но тѣмъ менѣе выступало его истинное значеніе, — общественное въ самомъ высокомъ смыслѣ. Но это не все: тотъ смыслъ который профессоръ придавалъ указаннымъ произведеніямъ, требовалъ уясненія самой идеи безконечнаго, — и онъ сумѣлъ это сдѣлать съ той душевной тонкостью, той поэтичной жизненностью, той доказывающей убѣдительностью, которая давала не мертвое пониманіе сухой схемы, а вѣру — вѣру въ безконечное безъ логическаго построенія его идеи. Насъ охватывала эта атмосфера мышленія, это волненіе творчества, это мучительное счастье стремленія къ истинѣ, *той настоящей, большой* истинѣ, намъ сообщалась эта невысказанная горячая вѣра въ будущее. Въ отвѣтъ на слова учителя нашъ внутренній міръ вибрировалъ въ томъ же тонѣ, томъ же тембрѣ, въ томъ же настроеніи. Мы не аплодировали — *это* было важнѣе рукоплесканій, — но каждый уносилъ домой сознаніе, что съ нимъ произошло нѣчто хорошее, что сегодняшний день не потерянъ, что жить и работать еще можно — и должно... Такова была эта теорія словесности.

Предо мной лежитъ его портретъ. Не знаю, какъ для другихъ — для меня это лицо полно необычайной красоты. Этотъ громадный, сильный лобъ, эта тонкая, задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пылливый, властный взглядъ, это «нездѣшнее» спокойствіе, — печать высшаго напряженія духа въ этомъ слабомъ старческомъ тѣлѣ. И это слабое тѣло еще усиливало впечатлѣніе этой исключительной жизни духа, такъ часто напоминая слова Гегеля о Гете: «Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспринять во всей славу и спокойствіи».

И оно отпало, это слабое тѣло. Тяжело подумать, какъ много унесъ этотъ человекъ въ могилу, какъ много невысказаннаго, недоговореннаго ушло вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело людямъ науки терять такого мыслителя, но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ въ трудныя минуты безвременья, еще тяжелѣе потерять человека, который зналъ и умѣлъ учить, «чѣмъ люди живы».

А. Борнфельдъ.

Берлинъ,

19/31 Декабря 1891.

Изъ статьи Д. И. Багалѣя въ 54 № Харьк. Вѣд. 1892 г.

Памяти покойнаго А. А. Потебни посвящена статья пр. Н. О. Сумцова въ журналѣ «Кіевская Старина». Н. О. Сумцовъ спеціально разсматриваетъ этнографическіе труды А. А. Потебни, на которыхъ другіе критики останавливались очень мало. Даже въ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина они не оцѣнены съ достаточною полнотою и глубиною; такова его диссертация «о нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи», таково обширное изслѣдованіе «о мнѣніи значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій»; таковы статьи, до сихъ поръ не утратившія своего значенія: о долѣ и о купальскихъ огняхъ, о малорусской пѣснѣ XVI в., о Словѣ о полку Игоревѣ, и о Сборникѣ пѣсенъ Я. Головацкаго (рецензія составленная по порученію Имп. Академіи Наукъ). Но веѣмъ этимъ еще не исчерпываются этнографическія изслѣдованія А. А. Потебни. Н. О. Сумцовъ еще не разсматривалъ пока самаго крупнаго изъ его трудовъ «объясненія малорусскихъ и сходныхъ народныхъ пѣсенъ» (2-й томъ обнимаетъ 809 страницъ т.-е. болѣе 50 печатныхъ листовъ). Высказывалось мнѣніе, что А. А. Потебня составилъ себѣ славу чисто филологическими работами; но теперь нужно признаться, что очень замѣтный слѣдъ его крупнаго ученаго дарованія остался и въ области этнографическихъ изслѣдованій, особенно болѣе позднихъ; въ такой повидимому спеціальной статьѣ, какъ рецензія на Сборникъ Головацкаго, читатель къ удивленію своему открываетъ цѣлый рядъ глубокихъ философскихъ мыслей о націонализмѣ, денаціонализаціи и т. п. Вотъ основная мысль автора о народности, которая проглядываетъ во веѣхъ его работахъ: «какъ немислима точка зрѣнія, съ которой видны были-бы веѣ стороны вещи... такъ невозможна всеобъемлющая безусловно лучшая народность. Если-бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было-бы гибельно для общечеловѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ, однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія челоѣка нужны другіе люди, для народности — другія народности».

„Въ этихъ словахъ“ замѣчаетъ Н. О. Сумцовъ, „заключается

примиреніе цивилизаціи и націонализма и сознательное служеніе обоимъ великимъ силамъ новаго времени. Въ этихъ словахъ выразился тотъ Потебня, какимъ онъ былъ въ жизни, на кафедрѣ.—во мѣлѣи своихъ учениковъ—Потебня—гуманистъ и мыслитель“. Если вспомнить какъ покойный А. А. Потебня глубоко изучилъ и понималъ новыхъ русскихъ писателей, въ особенности Пушкина, котораго онъ считалъ гениальнымъ поэтомъ, если собрать во едино его отзывы о нихъ въ публичныхъ лекціяхъ (тутъ онъ касался Достоевскаго, Тютчева), въ замѣткахъ и письмахъ (напримѣръ объ Одоевскомъ, Л. Толстомъ) и въ особенности въ курсѣ теоріи поэзіи, то придется сознаться, что и въ исторіи русской литературы онъ обладалъ огромною начитанностью и тутъ онъ составилъ себѣ самостоятельное мѣненіе о ея важнѣйшихъ представителяхъ; свой интересъ къ малорусской литературѣ онъ достаточно выразилъ изданіемъ сочиненій Г. О. Квитки и публичною лекціей въ день его юбилея. Не говоримъ о философіи и исторіи искусства, съ которыми онъ былъ знакомъ весьма основательно. Спрашивается, неужели послѣ этого можно считать А. А. Потебню узкимъ спеціалистомъ, не выходившимъ изъ тѣснаго круга грамматическихъ изученій. Нѣтъ, это былъ европейскій ученый и европейски образованный человекъ, направившій всю свою ученость и образованіе на развитіе русской науки; спеціальныя изученія у него органически соединялись съ широкими научными горизонтами; симпатіи къ своей родинѣ и народности—съ уваженіемъ къ европейской цивилизаціи.

Изъ статьи И. В. Нетушила 1889 г.

Сочиненіе профессора Харьковскаго Университета, Ал. Ао. Потебни, подъ общимъ заглавіемъ «Изъ записокъ по русской грамматикѣ», вышедшее *вторымъ* изданіемъ (явленіе само по себѣ для ученой диссертации столь рѣдкое!) было издано впервые въ двухъ частяхъ: одна, заключающая въ себѣ «Введеніе», печаталась въ Воронежскихъ Запискахъ, другая же въ Харьковѣ, почти одновременно съ первой (въ 1874 г.). Прошло съ тѣхъ поръ болѣе десятка лѣтъ, и тѣмъ не менѣе трудъ проф. Потебни все еще продолжаетъ стоять на высотѣ современнаго языковѣдѣнія, заключаая въ себѣ по истинѣ послѣднее слово науки по затронутымъ вопросамъ. Мало того: сочиненію этому повидимому суждено еще въ будущемъ долго играть роль первостепеннаго пособія, необходимаго для всякаго, кто будетъ заниматься русскимъ языкомъ дѣйствительно научнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что языковѣдѣніе, изслѣдующее языки индоевропейской отрасли, вращается все еще главнымъ образомъ въ области фснетики и морфологии, въ то время какъ изученіе синтаксиса по сравнительному методу даже на родинѣ сравнительнаго языковѣдѣнія сосредоточивается до сихъ поръ почти-что въ одномъ только лицѣ (Дельбрюкъ). А между тѣмъ еще 10 слишкомъ лѣтъ тому назадъ въ Россіи появилось сочиненіе, рѣшавшее вопросы русскаго синтаксиса на такихъ основаніяхъ, которыя современной наукой признаны обязательными для будущихъ синтактиковъ, и въ этомъ заключается одно изъ главныхъ достоинствъ труда проф. Потебни. Къ этому присоединяется еще удивительное умѣнье вносить въ сравнительную грамматику элементы философіи языка такимъ образомъ, что одна сторона дѣла гармонически дополняетъ другую, находясь съ ней въ самой тѣсной связи. Искусное сочетаніе историческо-сравнительнаго и философскаго направленія, какое рѣдко встрѣчается въ исторіи языковѣдѣнія, придаетъ синтактическимъ изслѣдованіямъ проф. Потебни особый интересъ, хотя и требующій со стороны читателя серіознаго углубленія. Сочиненіе проф. Потебни останется поэтому всегда цѣннымъ, даже тогда, когда оно не будетъ единственнымъ въ своемъ родѣ, какъ до сихъ поръ.

Еще первое изданіе «Записокъ по русской грамматикѣ» обратило на себя заслуженное вниманіе, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Наша академія наукъ, еще раньше избравшая проф. Потебню своимъ членомъ-сотрудникомъ, за это сочиненіе присудила ему Ломоносовскую премію, при чемъ академикъ И. И. Срезневскій въ своемъ отчетѣ о приеужденіи Ломоносовской преміи, читанномъ въ торжественномъ засѣданіи академіи наукъ 29-го декабря 1875 года, заключаетъ свой отзывъ о «Запискахъ» слѣдующими словами: «Стройное богатство подобранныхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго русскаго языка, и положительность выводовъ о ходѣ его измѣненій даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по русскому языку, такъ что если теперь кто-нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія и не возьметъ въ помощь себѣ «Записокъ» Потебни, онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросами безъ отвѣтовъ, или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ». Подобнымъ образомъ академикъ В. Ягичъ, въ рецензій на книгу Потебни, помѣщенной въ его же журналѣ «Archiv für slavische Philologie» за 1876 годъ (стр. 166), охарактеризовавъ трудъ проф. Потебни въ общихъ чертахъ, продолжаетъ: «Эти достоинства даютъ этому труду право на весьма почетное мѣсто въ ряду не особенно многочисленныхъ изысканій изъ области историческо-сравнительной литературы; сочиненіе проф. Потебни является достойнымъ соперникомъ синтаксиса Миклошича». А профессоръ А. Котляревскій (Библиологическій опытъ древней русской грамматики. Введеніе. Воронежъ 1881, стр. 169) даетъ слѣдующій отзывъ: «Записки по русской грамматикѣ» имѣютъ особый для насъ интересъ во 2-й своей части. Такого стройнаго, методическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ богатаго историческимъ и сравнительнымъ матеріаломъ изслѣдованія надъ синтаксисомъ русскаго языка въ его древнемъ и новомъ видѣ—еще не было въ нашей филологической литературѣ».

Второе изданіе удерживаетъ всѣ статьи перваго и въ томъ же порядкѣ, но въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Исправленіе и дополненіе коснулось всей книги во всѣхъ ея частяхъ, но въ особенности подверглась ему знаменитая глава X «Введенія», этотъ перлъ всего сочиненія и, можетъ быть, даже всей грамматической литературы. Глава эта, трактующая о членахъ предложенія и частяхъ рѣчи, обладаетъ, особенно въ теперешнемъ видѣ, такими достоинствами, не

только теоретическими, но и практическими, которыя одну ее уже дѣлають настольной книгой, необходимой для всякаго преподавателя русскаго языка, относящагося серьезно къ своему предмету. Изъ дополненій къ этой главѣ обращаетъ на себя особое вниманіе обширное примѣчаніе (на 4 страницахъ 78—81), посвященное вопросу о томъ, составляетъ ли глаголь необходимую часть предложенія или нѣтъ, и находящемуся въ связи съ нимъ вопросу о предикативности имени. Не смотря на многочисленныя дополненія, обѣ части умѣстились въ одномъ большомъ томѣ въ 535 страницъ, благодаря компактности принятаго для 2-го изданія шрифта.

Статья Б. М. Ляпунова въ I вып. „Живой Старины“ 1892 г.

29-го ноября скончался профессоръ Харьковскаго университета Александръ Аѳанасьевичъ Потебня. Смѣло можно сказать, что въ немъ мы потеряли ученаго, которымъ должна гордиться не только русская и славянская, но и обще-европейская наука. Въ виду выдающагося положенія, какое покойный занималъ въ ряду современныхъ славистовъ и вообще филологовъ, а также въ виду неоцѣнимыхъ качествъ его души, съ другой стороны въ виду страннаго незнанія о его заслугахъ не только среди нашего образованнаго общества, но даже среди персонала учителей русскаго яз. и словесности, я рѣшаюсь представить краткія біографическія свѣдѣнія, какія мнѣ удалось собрать, и познакомить немного съ содержаніемъ главнѣйшихъ трудовъ покойнаго, прибавивъ и свои личныя воспоминанія.

Александръ Аѳанасьевичъ Потебня ¹⁾ происходилъ изъ небогатой дворянской семьи Полтавской губерніи Роменскаго уѣзда, гдѣ и родился. Родовое имѣнне его въ формулярномъ спискѣ значится въ селѣ Перекоповкѣ, Ромен. у., но не знаю, осталось ли тамъ что нибудь теперь. Родители Александра Аѳанасьевича—Аѳанасій Еѳимовичъ и Марья Ивановна (урожденная Маркова)—природные малоруссы. Отецъ въ молодости былъ въ военной службѣ, а потомъ одно время по частнымъ дѣламъ жилъ во Владимірской губерніи.

Родился А. А. 10 сентября 1835 г. и былъ старшимъ изъ всѣхъ братьевъ (10 сент. 1891 г., по словамъ жены, ему исполнилось 56 лѣтъ, а въ формулярномъ спискѣ, составленномъ 1887 г., но, можетъ быть, раньше 10 сент., сказано, что ему 51 годъ). Семи лѣтъ онъ былъ отданъ въ Радомскую гимназію, гдѣ его дядя по матери былъ учителемъ. Благодаря этому обстоятельству, А. А. хорошо изучилъ польскій яз., такъ какъ въ этой гимназіи преподаваніе было на польскомъ яз.

¹⁾ Для біографическихъ свѣдѣній я пользуюсь во первыхъ автобіографіей покойнаго, напечатанной въ прилож. къ III т. „Исторіи русской этнографіи“ А. Н. Пыпина, во 2-хъ тѣмъ, что мнѣ удалось слышать отъ него самаго и близко его знавшихъ, въ 3-хъ—формулярнымъ спискомъ, хранящимся въ архивѣ Харьковскаго университета.

Несполна 16-ти лѣтъ въ 1851 г. онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ. Вслѣдствіе того, что большую часть дѣтства А. А. провелъ не дома, онъ почти не зналъ своихъ младшихъ братьевъ, а съ сестрой, которая родилась уже безъ него, познакомился только 16-ти лѣтъ. А. А. поступилъ сначала на юридическій факультетъ, но въ слѣдующемъ году перешелъ на историко-филологическій. Въ университетѣ онъ сблизился съ М. В. Нѣговскимъ, „любителемъ и умѣлымъ собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсень“, библіотекой котораго и пользовался. Преподавательскій персоналъ въ то время въ Харьковскомъ университетѣ былъ далеко не блестящій. Русскій яз. читалъ А. Л. Метлинскій, добрый и симпатичный человѣкъ, но по словамъ А. А., слабый профессоръ. Его сборникъ „южно-русскихъ народныхъ пѣсень“, по признанію Ал. Аѳ., былъ первой книгой, научившей А. А. присматриваться къ явленіямъ языка. Судя по описанію личности А. Л. Метлинскаго и его симпатичныхъ взглядовъ на отношеніе нарѣчій и говоривъ къ литературному языку („Истор. рус. этногр.“ Пыпина, т. III, ст. 146—148), можно думать, что этотъ человѣкъ оказалъ во всякомъ случаѣ нѣкоторое вліяніе на Ал. Аѳ.—ча. Черезъ Н. А. Лавровскаго, перешедшаго съ кафедры педагогики на кафедру русской словесности, А. А. познакомился съ сочин. И. И. Срезневскаго „Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій“. Это сочиненіе, гдѣ впервые такъ живописно представлена картина постепеннаго развитія русскаго яз., произвело на А. А. сильное впечатлѣніе. Онъ рассказывалъ мнѣ, что онъ невольно запомнилъ наизусть цѣлыя страницы этого сочиненія и такъ отвѣчалъ на экзаменѣ. Этотъ фактъ, кажется, былъ переданъ Срезневскому, который и пожелалъ познакомиться съ Потебней, когда А. А. былъ потомъ въ Петербургѣ. Въ своей автобіографіи А. А. указываетъ еще, что на него оказало вліяніе сочин. Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, которое однако не совѣмъ ему нравилось, и статья Буслаева „Объ эпической поэзіи“, а затѣмъ, какъ говорилъ мнѣ самъ Ал. Аѳ., только иностранные ученые. Въ 1856 г. А. А. окончилъ курсъ кандидатомъ по представленіи диссертациі: „Первые годы войны Хмельницкаго“, которая не напечатана. По предложенію Н. А. Лавровскаго, онъ былъ оставленъ при университетѣ и сталъ готовиться къ магистерскому экзамену. Какъ казенно-коштный, онъ долженъ былъ однако взять мѣсто комнатнаго надзирателя 1-ой Харьковской гимназіи, но скоро былъ опредѣленъ сверхштатнымъ старшимъ учителемъ русской словесности съ увольненіемъ

отъ должности комнатнаго надзирателя, а 18 декабря 1857 г. былъ прикомандированъ къ университету для преподаванія русской словесности. Черезъ Н. А. Лавровскаго А. А. познакомился съ грамматикой Миклошича и трудами Караджича. Въ 1860 г. 15 Апрѣля А. А. былъ утвержденъ въ степени магистра славянской словесности и по защитѣ диссертациі „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“ (Харьковъ, 1860). 22 Іюня 1860 г. А. А. назначенъ адъюнктомъ Харьковскаго университета съ увольненіемъ отъ должности учителя гимназіи, при чемъ въ 1861 г. на него возложены теоретическія занятія по педагогикѣ съ кандидатами педагогами. Въ то же время онъ былъ секретаремъ историко-филологическаго факультета. Въ 1862 г. онъ былъ командированъ за границу на два года, но черезъ годъ вернулся и съ 28-го сентября 1863 г. былъ доцентомъ Харьковскаго университета до 1875 г., когда утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, получивъ 28 ноября 1874 г. степень доктора славянской словесности послѣ защиты диссертациі: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ I—II; оппонентами были профессора М. С. Дриновъ и Н. А. Лавровскій ¹⁾. Заграницей А. А. учился санскриту у Вебера. За это время въ печати появились слѣдующіе труды А. А. Потебни: „Мысль и языкъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1862), „О связи нѣкоторыхъ представленій“ (Филол. Зап. 1864), „О Долѣ и сродныхъ съ ней существахъ“ (Древности Труды Москов. Археологич. Общ., т. I), „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго яз.: I. О полногласіи. II. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (Воронж. Филолог. Зап. 1866 г.) „О кунальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ“ (Москва, 1867, въ 3-мъ вып. Археол. Вѣстн.), „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій“ (Филол. Зап. 1870 и отдѣльно—Воронеж, 1871), наконецъ упомянутое выше сочиненіе „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (1-я часть „Введеніе“, напечат. въ Воронежѣ, а 2-я часть „О составныхъ членахъ предложенія и ихъ замѣнахъ въ русскомъ яз.“ въ Запискахъ Харьковскаго университета 1874 г.). Съ осени 1875 г. А. А. былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ исторіи русскаго яз. и литературы. Еще въ 1865 г. А. А. былъ избранъ въ дѣйствительные члены Москов. Археологическаго Общества. Въ 1877 г. онъ избранъ въ дѣйствительные члены Общ. Любителей Россійской Словесности при Имп. Московскомъ университетѣ. Въ томъ же году

¹⁾ М. С. Дриновъ рассказывалъ мнѣ, что онъ, Н. А. Лавровскій и Кирипичниковъ предлагали Ал. Ае—чу степень доктора до защиты за его прежнія работы, но по своей скромности и строгости къ себѣ, А. А. отказался и предпочелъ достигнуть этого обычнымъ путемъ.

ему присуждена Имп. Академіей Наукъ Ломоносовская премія въ 1,000 руб. за сочин. „Изъ записокъ по рус. гр.“, и онъ избранъ въ члены-корреспонденты Академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности. Въ 1876 г. вышли въ Воронежѣ и Варшавѣ 1-й и 2-й выпуски. „Къ исторіи звуковъ русскаго яз.“; нѣкоторыя главы этого сочиненія были напечатаны также въ изданіи проф. И. В. Ягича „Archiv für slavische Philologie“ III, s. 358—381 („Ueber einige Erscheinungen des slavischen Palatalismus“) и s. 614—620 („Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nasalvocale“). Въ 1877 г. Александру Аванасьевичу присуждена Академіей наукъ золотая Уваровская медаль за разборъ сочин. Житецкаго: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“. Въ томъ же году въ „Воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ“ напечатана статья А. А—ча „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.“, а въ слѣдующемъ году „Слово о полку Игоревѣ“ (Воронежъ, 1878 г.). Въ 1879 г. Академіей наукъ присуждена А. А—чу золотая медаль за разборъ труда Я. О. Головацкаго: „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“, издан. въ 4 т. Моск. Общ. Истор. и древностей (разборъ напечатанъ въ С.-Петербур., 1880). Въ 1881—1883 г. Варшавскимъ „Филологическимъ Вѣстникомъ“ напечатаны III-й и IV-й выпуски „Къ исторіи звуковъ русскаго яз. Этимологическія и другія замѣтки“. Тѣмъ же „Филолог. Вѣстникомъ“ издано въ 1883—1887 г. большое сочиненіе А. А. въ двухъ выпускахъ: „Объясненія молорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень“. Въ началѣ 1887 г. его избрало въ свои члены королевское чешское общество наукъ *králevská Česká společnost Nauk*). Въ „Филологическихъ Запискахъ“ 1887 г. напечатана статья А. А. „Значенія множественнаго числа въ русскомъ яз.“. Въ 1888 г. въ Харьковѣ вышло второе исправленное изданіе сочин. „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ I—II. Послѣднее напечатанное сочиненіе А. А—ча было помѣщено въ выходящемъ съ 1891 г. изданіи Этнографическаго Отдѣленія И. Р. Г. О. „Живая Старина“ („Этимологическія замѣтки“).

Въ началѣ 1891 г. ему присуждена была медаль Географическимъ Обществомъ. Кромѣ чисто научныхъ трудовъ и изслѣдованій, подъ редакціей А. А. Потебни вышло прекрасное изданіе сочиненій малорусскаго писателя Г. О. Квитки (Харьковъ 1887 и 1889 г.) съ соблюденіемъ удареній и тѣхъ мѣстныхъ особенностей Харьковскаго говора, которыя были совершенно стерты въ Петерб. издан. Кулиша 1858 г.; въ „Кіевской Старинѣ“ 1888 г. изданы имъ нѣкоторыя сочиненія Артемовскаго-Гу-

лака, по подлинной рукописи автора съ соблюденіемъ его правописанія, а въ „Кіевской Старинѣ“ 1890 г. изданы малорусскіе лѣчебники XVIII вѣка.

✓ Какъ мнѣ приходилось слышать, во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ за границу Ал. Аѳ. познакомился съ А. Мажураничемъ (не знаю, въ первую-ли поѣздку или позднѣе), подъ руководствомъ котораго изучалъ сербо-хорватское удареніе; въ Прагѣ А. А. познакомился съ Патерой и Гатталой.

Неутомимо трудовая жизнь, а можетъ быть и нѣкоторыя другія обстоятельства, состарили его не по лѣтамъ. Уже въ 1886 г., когда мнѣ привелось съ нимъ познакомиться, онъ смотрѣлъ старикомъ, очень сухощавымъ, хотя тогда еще бодрымъ и повидимому здоровымъ. Но въ послѣдніе годы болѣзнь все больше и больше ослабляла его. Почти при всякой легкой простудѣ у него возобновлялся бронхитъ; въ такомъ видѣ напр. я засталъ его весною 1888 г. Весною 1890 г. ему напротивъ повидимому стало лучше; явилась его прежняя живость, которая такъ увлекала на его лекціяхъ 1887 года.

Но съ осени 1890 г. и всю зиму А. А. чувствовалъ себя очень плохо и уже почти не могъ выходить изъ дому; однако, не желая лишать студентовъ своихъ лекцій, приглашалъ ихъ къ себѣ на домъ и читалъ изъ 3-й части своихъ „Записокъ по русской грамм.“, хотя чтеніе уже замѣтно его утомляло. Это 3-я часть „Записокъ“ особенно заботила покойнаго, и онъ не переставалъ работать надъ нею до самой послѣдней возможности, не смотря на болѣзнь.

Только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, врачи открыли у него болѣзнь почекъ, которая и свела его въ могилу. Поѣздка въ Италію, гдѣ онъ провелъ два лѣтнихъ мѣсяца 1891 г., какъ будто ¹⁾ нѣсколько помогли ему и, вернувшись въ Харьковъ, онъ въ сентябрѣ началъ было читать лекціи въ университетѣ, но вскорѣ долженъ былъ прекратить уже навсегда, вслѣдствіе инфлуэнцы, которая сильно его ослабила и усилила приступы болѣзни почекъ; весь октябрь и ноябрь онъ уже почти не вставалъ, хотя по временамъ кажущееся улучшеніе заставляло не терять надежды до конца.

Вотъ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Ал. Аѳ.-ча. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ его научныхъ трудовъ.

¹⁾ Такъ писалъ это слово покойный А. А. согласно съ этимологіей (буди-то изъ буди-то, какъ взятыя изъ взятися и т. п.), но вопреки официальной орфографіи.

Изъ перечня ихъ мы видѣли, какъ разнообразна его научная дѣятельность. Исслѣдованія о мотивахъ и символахъ народной поэзіи и въ области сравнительной мифологіи чередовались съ исслѣдованіями по языку, которыя и составляютъ главнымъ образомъ научную славу покойнаго. Въ этомъ отношеніи Потебни былъ филологомъ стараго типа, изучавшимъ языкъ въ связи съ народной поэзіей, народными вѣрованіями и обрядами. Такой широтой, такимъ разнообразіемъ свѣдѣній, не обладаютъ новѣйшіе ученые, которымъ приходится все больше и больше специализироваться.

Не смотря, однако, на свою многосторонность, Потебни отличался замѣчательной глубиной: многосторонность не дѣлала его поверхностнымъ въ этомъ сказывается его замѣчательное, изъ ряду вонъ выходящее дарованіе, такъ какъ глубина при многосторонности дается очень немногимъ.

Исслѣдованія по языку А. А. Потебни можно раздѣлить на фонетическія, фонетико-діалектическія, этимологическія, семасіологическія и синтактическія. Въ первыхъ затронуты самые важные вопросы фонетики русской и славянской: о полногласіи, о глухихъ звукахъ, о носовыхъ гласныхъ, о переходномъ смягченіи согласныхъ звуковъ. Къ вопросу о русскомъ полногласіи А. А. обращался два раза: первый разъ въ сочин. „Два исслѣдованія“ въ 1865 г., въ которомъ еще считалъ южнослав., ст. слав. и чешск. ра, ла, основную общеславянскою формой, лежащей въ основаніи и русскаго оро, оло (также думалъ и Ягичъ въ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг.); второй разъ въ 1875 г. въ 1-мъ вып. „Къ исторіи звуковъ“, гдѣ совершенно измѣнилъ свой первоначальный взглядъ. Подъ вліяніемъ статьи Бенфея въ „Orient und Occident“ (III, 1—77, 193—256 1864—1865), указывавшаго на появленіе короткой гласной между р, предшествуемымъ гласной, и слѣдующей согласной въ языкѣ Ведъ и Зендѣ, а также на сходныя явленія греческ. яз. А. А. находитъ подобное и въ латышскомъ, приходитъ къ заключенію, что полногласіе было нѣкогда явленіемъ общеславянскимъ: „младъ и молодъ независимо другъ отъ друга изъ мѣлѣдъ (ст. 119).

Почти въ то же время было признано полногласіе общеславянскимъ І. Шмидтомъ („Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus) и нѣсколько раньше Гейтлеромъ (Starobulharská fonologie“ 1873).

Это было нѣкоторымъ возвращеніемъ къ старинѣ, такъ какъ еще Максимовичъ въ 1839 и 1848 г. мнѣніе котораго А. А. приводитъ (стр. 117—119), считалъ полногласіе общеславянскимъ; также и К.

Аксаковъ (напр. въ разборѣ грамматики Буслаева во II т. сочин., ст. 454), хотя для послѣдняго въ русскомъ яз. были обѣ формы — и полногласная (древнѣйшая) и неполногласная (новѣйшая); только въ распоряженіи Максимовича и Аксакова не было тѣхъ научныхъ средствъ, какими обладали ученые 70-хъ годовъ. Для І. Шмидта русское полногласіе было зманчиво, какъ „svarabhakti“; для Гейтлера нужно было объяснить появленіе *a* въ глава, которое не могло явиться иначе, какъ вслѣдствіе удлиненія *o*, явившагося, по его мнѣнію, на славянской почвѣ изъ *ǫ*¹⁾, а причина удлиненія — стяженіе двухъ *o* въ праславянской полногласной формѣ; для А. А. Потебни была важнѣе всего постепенность звуковыхъ измѣненій, и на основаніи этого, полногласіе онъ считалъ путемъ, которымъ изъ *galva* могло развиваться глава и т. п. (этотъ взглядъ на образованіе южнослав. и чешскихъ формъ, мнѣ пришлось слышать отъ него и въ послѣдній годъ его жизни).

А. А. принималъ общеславянское полногласіе въ видѣ двухъ *ǫ* передъ и послѣ плавной (Гейтлеръ въ видѣ двухъ *o*, но оба они, по его мнѣнію, явились уже на славянской почвѣ, и первое — изъ кратк. *ǫ*), такъ какъ въ то время еще не было высказано въ сравнительной грамматикѣ сомнѣнія въ первичности древнѣ-индійскаго *a*, изъ котораго считались развившимися позднѣе въ европейскихъ языкахъ три звука; *a*, *o*, *e*; только во второй половинѣ 70-хъ годовъ Бругманномъ и Соссюромъ предложено было существованіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ трехъ гласныхъ: *a*, *a*₁, *a*₂ (или *a*, *ā*[̄] *ā*[̂]). Другіе лингвисты болѣею частію не считаютъ необходимымъ ставить посредствующую ступень полногласія, а происхожденіе градъ, глава и т. п., объясняютъ путемъ простой перестановки; такого мнѣнія держался Миклошичъ въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ (послѣдн. издан. „Vergl. Gram.“ стат. „Ueber d. Ursprung der Worte von der Form *trêt* u. *trat*“, „Etymologisches Wörterbuch“), также И. В. Ягичъ и проф. Москов. универс. Ф. Θ. Фортунатовъ; по мнѣнію послѣдняго, очень тонкаго и глубокаго фонетика, простая перестановка вполнѣ возможна фонетически и оправдывается многими примѣрами изъ разныхъ индоевропейскихъ языковъ.

Выводы А. А. Потебни относительно носовыхъ гласныхъ („Къ ист. звук.“ I. 211—217 и „Archiv f. slav. Phil.“ III, 614—620) тѣ, что гласн. элементъ въ *ǫ* и *ǫ̃* въ древне-польскомъ и, вѣроятно въ общеславянск. всегда былъ *a* іотован или неотован. Выводъ этотъ для др. польскаго

¹⁾ Что краткое *a* родственныхъ яз. = общеслав. *o*, теперь считается общепризнаннымъ въ лингвистикѣ.

языка нашель поддержку потомъ въ спеціальной работѣ Ледеевского („Der Lautwert¹ der Nasalvocale im altpolnischen“, Wien, 1886), хотя выводы послѣдняго вызвали нѣкоторыя сомнѣнія Ягича и Брикнера въ X-мъ т. „Archiv f. sl. Phil.“ Въ послѣднее время А. А. о носовыхъ не высказывался опредѣленно, такъ какъ вообще вопросы фонетики интересовали его меньше, чѣмъ прежде.

Въ вопросѣ о переходномъ смягченіи Потебня удачно указалъ на параллельныя со славянскими явленія романскихъ языковъ.

Особенно обращаю вниманіе на его объясненіе измѣненія *tj* и *dj* и въ связи съ этимъ *kt* передъ *i* или *ь* (ст. слав. пещти и существ. пещть, русск. печи, печь и т. п.), которое довольно близко подходитъ къ объясненію проф. Фортунатова, недавно высказанному въ „Archiv f. sl. Phil.“ XI. 568.

Именно, А. А. предполагалъ, что изъ *tj dj* получалось въ одной группѣ нарѣчій *ч'ч'* *дж'дж'* которыя лежатъ въ основаніи ст. сл. и болг. *шт*, *мед*: свѣшта, межда и русск. *ч'* и *дж'* (сохранилось диалектически, но б. ч. измѣнилось въ *ж*): свѣчя, меджя, въ другой группѣ *mjmj* и *djdj*, откуда серб. *mj* и *dj*: сви*е*м*ја*, ме*д*ја; въ 3-ей—*ч'ч'* и *jj* (изъ *djdj*), откуда хорут. *ч* и *ј*: свѣса и меја; въ 4-ой—*ч'ч'* и *ѣѣ*, откуда западнославян. *ц* и *ѣ*: све*ѣ*са и ме*ѣ*за („Archiv f. sl. Philol.“ III, 600—601, или „Къ истор. звук.“ II) ¹⁾. При измѣненіи *kti kti* А. А. предполагалъ смягчающее дѣйствіе *i* (*ь*) на *k* черезъ *t*, измѣнившее *k* въ однихъ нарѣчіяхъ въ *ч'*, въ другихъ *ч'*, а затѣмъ ассимиляцію съ ними слѣдующаго *t*, такъ что результатъ получился тотъ же, что и при *tj*. Въ этомъ объясненіи, какъ и въ выше приведенномъ мнѣніи о полногласіи, сказывается нелюбовь Потебни къ объясненію скачками, а стремленіе во всѣхъ фонетическихъ явленіяхъ видѣть постепенное измѣненіе звука. Статьи Потебни о небности могутъ считаться едва-ли не лучшими изъ того, что вообще писалось объ этомъ вопросѣ

Изъ вопросовъ по исторіи звуковъ русскаго яз. слѣдуетъ обратить вниманіе на мнѣніе А. А. Потебни о времени исчезновенія глухихъ звуковъ („Къ истор. звук.“ I, гл. IV и „Разборъ сочин. Житецкаго, гл. VI). По его мнѣнію, звуки *ъ* и *ь* жили очень долго въ русскомъ яз., а въ нѣкоторыхъ говорахъ сохраняются и до сихъ поръ. Напи-

¹⁾ Какъ на подобное явленіе болѣе поздняго времени Потебня указываетъ на вост. малорусское *т'т'* изъ *тj*, *д'д'* изъ *dj*: плат'тя, колод'дя, а при болѣе зубномъ *ј* является въ блорус — *ч'че*, *ѣѣѣѣ*; если бы *ј* было еще болѣе задненебнымъ, могло бы явиться *ч'ч'*, *дж'дж'* Archiv. f. sl. Phil. 597—597.

санія съ чист. *е* и *о* въ рукописяхъ XIV, XV и даже XVI в. вмѣсто *ь* и *ъ* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ теперь они въ нынѣшнихъ говорахъ исчезли (Болонескѣ, пополонока), съ другой стороны пропускъ *ь* или *ъ* на письмѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы теперь слышимъ чистый, свидѣтельствуютъ, по его мнѣнію, о томъ, что въ говорѣ писца въ этихъ случаяхъ были глухіе звуки, ибо чистый звукъ, образовавшійся изъ глухого, не могъ бы исчезнуть потомъ безъ слѣда, а съ другой стороны писецъ не сталъ бы пропускать на письмѣ чистыхъ звуковъ.

Въ томъ же сборникѣ „Къ ист. звук.“ I, укажу на прекрасную статью А. А—ча: „Этимологическія различія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ“.

Перехожу къ діалектическимъ трудамъ А. А. Потебни. Въ этой области ему несомнѣнно и до сихъ поръ принадлежитъ первое мѣсто между всѣми, изучавшими научно русскіе говоры. А когда появился его первый трудъ „о звукахъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (1866 г.), научная разработка нашихъ говоровъ была почти не тронута, такъ какъ труды Дали могутъ считаться только собраніемъ богатаго матеріала безъ надлежащей его обработки. Всѣ статьи Ал. А—ча по изученію русскихъ говоровъ („О звуков. особ. рус. нар.“, „О малорусск. нарѣч.“, „Разборъ соч. Житецкаго“ и отдѣльн. замѣтки въ нѣкот. другихъ сочин.) отличаются замѣчательной тонкостью наблюденія, глубиной, осторожностью и оригинальностью выводовъ. Начало русскихъ говоровъ онъ относилъ къ незапамятнымъ временамъ, задолго до появленія письменности и исторію русскаго языка онъ понималъ, какъ исторію русскихъ говоровъ. При этомъ нелишнимъ считаю сообщить взглядъ А. А—ча на говоръ вообще, какъ мнѣ пришлось слышать отъ него въ прошломъ году: строго говоря, говоръ можетъ быть представленъ только однимъ человѣкомъ, такъ какъ нѣтъ двухъ лицъ, говорящихъ вполне одинаково даже въ одной семьѣ; слѣдоват., то, что мы обыкновенно называемъ однимъ говоромъ, есть въ сущности собраніе взаимодействующихъ говоровъ, а потому нѣчего ¹⁾ удивляться, что звуковые законы имѣютъ исключенія, и непремѣнно искать объясненія этихъ исключеній въ звуковой аналогіи; кто выставляетъ положеніе объ отсутствіи исключеній въ звуковыхъ законахъ, тотъ забываетъ, что говоръ въ жизни никогда не существуетъ самъ по себѣ, а всегда нахо-

¹⁾ А. А. въ послѣднихъ своихъ трудахъ писалъ нѣчего, нѣкого, нѣкогда (нѣтъ времени) и т. п., согласно съ этимологіей (см. объясненіе въ сочин. „Изъ запис. по рус. грам.“ II, 423, 2-е издан.), но противъ официально принятаго въ школахъ и учебникахъ.

дится подъ тысячью самыхъ разнообразныхъ вліяній. Вслѣдствіе этого А. А. не любилъ злоупотреблять объясненіями помощью звуковой аналогіи, которыя особенно въ ходу въ произведеніяхъ „ново-грамматической“ школы; онъ находилъ, что, стремясь къ точности въ фонетикѣ, при этихъ объясненіяхъ часто грѣшатъ противъ синтаксиса.

Всѣ русскіе говоры А. А. дѣлилъ на три группы или полосы: 1) сѣверную (говоры сѣверно-великорусскіе —окающіе), 2) среднюю (южно-великорусскіе говоры вмѣстѣ съ бѣлорусскими ¹⁾—акающіе) и южную (говоры малорусскіе опять окающіе). Главнымъ основаніемъ дѣленія у него служила фонетика и преимущественно различное произношеніе гласныхъ въ виду неопредѣленности и неразработанности другихъ отдѣловъ языкознанія. Изъ отдѣльныхъ діалектическихъ явленій едва-ли не въ первый разъ было показано и научно формулировано Ал. А.—чемъ измѣненіе неударяемыхъ гласныхъ въ южно-великорусскихъ говорахъ. А. А. указалъ разницу въ измѣненіи неудар. *а* и *е* въ слогахъ непосред. передъ слогомъ ударяемымъ и въ слогахъ черезъ слогъ передъ ударяемымъ (гѣлава изъ голова и пирядомъ изъ передомъ) и съ другой стороны въ слогѣ непосредственно послѣ ударяемаго, по слабости произношенія равняющемуся третьему слогу передъ ударяемымъ (гѣльву изъ голову, пѣрид или пѣрит изъ перед, дѣрйво изъ дерево). Въ статьѣ о малорусскомъ нарѣчьи разобрано характерное измѣненіе гласной *ь*, а также гласныхъ *е* и *о* въ слогахъ среднихъ, при чемъ объяснены всѣ разнообразія этихъ измѣненій въ говорахъ, изъ которыхъ наибольшую старину сохранили сѣверно-малорусскіе говоры (напр. волъ, конъ=Заблудов. вуол, куон'=Бѣльск. и Брестск. вюл, кюн'=Кобрин. вул, кун' или вил, кин'=Сосниц. Черниг. губ. вуэл, куэн'=украин. віл, кін').

А. А. первый, кажется, обратилъ вниманіе на важное фонетическое явленіе преимущественно сѣверно-великорусское, которому онъ далъ названіе втораго полногласія („Къ истор. звук.“ I, 85—108); сюда относятся такія явленія, какъ напр. новгородс. верѣх, возходящее къ древнему вѣрѣхъ вмѣсто вѣрхъ=нынѣшн. вер'хъ въ другихъ говорахъ (ст. сл. вѣрхъ). А. А. старался прослѣдить это явленіе въ древнерусскихъ памятникахъ съ XI-го вѣка и находилъ начало его уже въ древнѣйшемъ памятникѣ Новгородскаго письма, Остромировомъ Евангеліи.

¹⁾ Что „гораздо правильнѣе Бѣлорусскій говоръ считать мѣстнымъ говоромъ Великорусскаго нарѣчія, а не отдѣльнымъ нарѣчіемъ“, высказано уже И. И. Срезневскимъ („Мысли объ исторіи русск. яз.“, изд. 1887, стр. 36).

Занимался этимологіей различных бытовых словъ, Потебня много едѣлалъ и для исторіи русскаго быта. На лекціяхъ, при чтеніи древнерусскихъ памятниковъ, онъ часто давалъ объясненія многихъ темныхъ юридическихъ и бытовыхъ терминовъ. Можно было удивляться глубинѣ его познаній въ исторіи великорусскаго и особенно малорусскаго быта. Въ IV-мъ вып. „Къ исторіи звуковъ р. яз.“ онъ далъ объясненія словъ: село, деревня, выть, обжа и мног. другихъ, весьма важныхъ и характеристичныхъ для русскаго быта. Лучшее объясненіе слова „село“, принадлежитъ ему: указывая на то, что въ др. русскомъ и старо-славянскомъ („сѣно сельною и т. под.) оно имѣло бѣльшую частью значеніе „земли“, „поля“, онъ сближаетъ его съ лит. *szalis* ¹⁾ „сторона“, „край“ (стр. 4—5). На основаніи стариннаго великорус. выраженія „распахать деревню“ и т. подобн. выраженій, свидѣтельствующихъ о томъ, что „деревня“ есть синонимъ поля, росчисти, А. А. сближаетъ это слово съ литов. *dirvā* („Asker“), относя къ одному корню съ глаголомъ дѣрати (стр. 18—19).

Но главную славу Потебни составляютъ его изслѣдованія по сравнительному синтаксису. Я рѣшаюсь сказать, что въ этой мало разработанной области языкознанія ему принадлежитъ пальма первенства между всѣми славянскими, а можетъ быть, и европейскими учеными. Надо замѣтить, что 1-е изданіе „Записокъ по русск. грам.“ написано раньше, чѣмъ авторъ успѣлъ познакомиться съ сочин. Миклошича „*Vergleichende. Syntax*“ (1874).

Во 2-й части „Записокъ“ разобрано употребленіе падежей и неопредѣленное наклоненіе; особенное вниманіе обращено на употребленіе двойныхъ падежей. Всего прежде идетъ рѣчь о составномъ сказуемомъ, указывается на сочетаніе причастій дѣйств. съ **бѣ**смь, буду въ именит. пад. (кромѣ причастъ на **ль**); А. А. кажется, впервые разрушилъ убѣжденіе, что подобное употребленіе причастій въ древнемъ яз. зависитъ отъ буквального перевода съ греческ.; онъ привелъ такіе примѣры, гдѣ наоборотъ въ греч. стоитъ *verb. finit.*, а въ славянск. причастіе съ вспомог. глаголомъ. Указано на самостоятельность причастія въ древнерусск., ст.-славян., другихъ славянскихъ нарѣчійхъ, литовскомъ и греческомъ, благодаря которой причастіе могло отдѣлиться отъ главнаго сказуемаго союзомъ соединительнымъ („вставъ, и рече“, стр. 187). По мѣрѣ того, какъ причастіе становилось дѣепричастіемъ, подобные обо-

¹⁾ Хотя не менѣе вѣроятно и сближеніе съ лат. *solum* „почва“ и м. б. литов. *salā* „островъ“, которое высказано на стр. 2 того же сочин., но потомъ оставлено вслѣдствіе лит. *szalis*.

роты становились все менѣе возможными. А. А. предполагает, „что въ концѣ XIV в. причастія дѣйствительныя аппозитивныя были уже только въ книжномъ яз., и дѣепричастіе, какъ въполнѣ опредѣлившаяся часть рѣчи, уже существовало, хотя и отличалось кое-чѣмъ отъ нынѣшняго (стр. 182). „Относительная самостоятельность аппозитивнаго причастія въ древнемъ яз. и сходство его функціи съ функціей главнаго (глагольнаго) сказуемаго проявляются не только въ отдѣленіи его отъ сказуемаго союзомъ, но и ...въ возможности подлежащаго съ аппозитивнымъ причастіемъ при глагольномъ сказуемомъ, имѣющемъ свое подлежащее“ (стр. 194). Вслѣдствіе этого возможны были въ древнемъ яз. такіе примѣры именит. самостоят., какъ Новгор. I. 1: А вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити (стр. 196).

Далѣе объяснено употребленіе причастія въ смыслѣ сказуем. придат. предложенія, связаннаго съ главнымъ сказуемымъ посредствомъ относит. слова, весьма обычное въ ст. слав., др. русскомъ и старо-чешскомъ: нѣсть, кѣто ихъ при¹⁶мл^л. Изборн, 1076 г., невѣдяху бо, камо бѣжаще. Ипат. 156 (480), Nenie, kto so pověda Alexandr. и т. п. (ст. 205, 206, 212). Остатки подобныхъ оборотовъ А. А. указываетъ и въ нынѣшнихъ говорахъ: вел.-рус. „кто кого смога...“, малорус. Чумакъ, кого здря, такъ и часту¹⁶ (ст. 217). Въ литовскомъ и латышскомъ подобное же: jie nežino, ką darą. Лук. 23.34=букв. невѣд^лть, чѣто твор^лще.

На стр. 231—299 разобрано употребленіе причастій прошедш. на л, указано обращеніе ихъ въ прилагат. въ русск. и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, разница въ употребленіи русскихъ причастій на л съ польскими и чешскими: польск. донинѣ употребляетъ членныя причастія на л, не превращая ихъ непременно въ прилагательныя: ciasto dobrze wykisiałe — выкисшее тѣсто и т. п. (242); указаны способы употребленія прич. на л при различныхъ временахъ вспомогат. глаг: ¹⁶смѣ, бѣхъ быхъ (условно — желать.), бѣдѣ (буду); употребленіе послѣдняго съ причаст. при условныхъ союзахъ вызвало условное значеніе буду, откуда великорусск. буде (3 л. ед. ч.) въ смыслѣ условнаго союза.

Переходя къ употребленію вторыхъ косвенныхъ падежей, А. А. остановился на характерномъ свойствѣ перваго винит. въ др. русскомъ и нѣкоторыхъ новыхъ славян. нарѣчіяхъ, общемъ съ латышскимъ, по которому послѣ глаголовъ: „sentiendi“, „cognoscendi“, „declarandi“ можно было употреблять безпредложный винит. не только непосредств. пред-

мета воспріятія, но и дальнѣйшаго, что мы теперь обыкновенно замѣняемъ оборотомъ съ предлогомъ про или о: слышавъ смерть Изяславлю Ипат. 77 (328), увѣдаша Пльсковичи погоню Новгор. 1,59, великорус. сказываетъ журавля на соснѣ. Даль, послов. 872, малорус. Спустимосся вниз по Дунаю, Гей по Дунаю под Царегород: Ой чуюмо там доброго пана (Костомар. въ малор. сб. Мордовцева, 192), серб. *овтје* нама кажу мому неудату (Кар. Пјес 1), лотыш. пасака мамуль іню. Спрог. 215=букв. „сказала матушку“ т. е. „сказала, гдѣ матушка“. Подобное встрѣчается въ санскр. и греч. (*ἄνδρα μοι ἔννεπε Μῦσος πολέτροπον*. Od. I, 1) (стр. 300, 302, 303). Ал. Аѳ. видѣлъ въ этихъ оборотахъ остатки такого первобытнаго состоянія мысли, которое „напоминаетъ состояніе дитяти, только что начинающаго пользоваться чувствами и протягивающаго руки къ предметамъ, которыхъ схватить не можетъ“ (299—300). Далѣе разсмотрѣны случаи употребленія второго вин. (существ., прилаг., причаст.) 305—325, второго род. (324—330), при чемъ указаны случаи родит. самостоят.: того же лѣта исходяча... приходи Романъ... (Лавр. 329), второго дательнаго: объясненъ дательн. самостоятельный (330—342).

Въ большой главѣ о неопредѣл. наклоненіи А. А. коснулся ограниченія его употребленія въ сербск. и болгар., приведшаго въ послѣднемъ къ потерѣ формы на ти (360—362), подробно разобралъ случаи употребленія неопредѣл. субъективнаго при формальныхъ или близкихъ къ формальности глаголахъ (ст. слав. имаамъ, имѣю, югозап. рус. маю, малор. иму, ст. сл. хочѣю, др. рус. хочу, серб. *омју* и т. п.) и при неформальныхъ глаголахъ и сходныхъ прилагат. (стр. 362—382); —неопредѣл. со вторымъ именит. (382—383).

Далѣе употребл. неопредѣл. объективнаго: винит. съ неопредѣл. (384—387), дательн. съ неопредѣл. (388—391), второго дательн. съ неопредѣл. лучше же бы потяту быти (кому), неже полонену быти. Сл. о п. Игор. (391 и слѣд.).

Вездѣ приводятся многочисленные примѣры изъ древне-русской письменности и родственныхъ языковъ славянскихъ и неславянскихъ.

Разсмотрѣны обороты неопредѣл. наклоненія, связаннаго съ главнымъ предложен. посред. относит. слова: неимѣть, чесо вѣсти О. св. Мат. 15,32 (*τί φάσις*), нѣ—камо ся дѣти Лавр. 30, соврем. великор. нѣчего дѣлать, малорус. нічого робити и т. п. (стр. 419—424), неопредѣл. пѣли и слѣдствія (425—434), неопред. съ бы и союзами сложными съ бы (435—443) и абсолютн. неопред. („я знать

не знаю, вѣдать не вѣдаю“) въ сравненіи съ литовск., латышск. и польскимъ.

Послѣдняя глава посвящена творительному падежу. Чтобы перейти къ творит., замѣняющему вторые согласуемые падежи, столь характерному для славянскихъ нарѣчій, А. А. разбираетъ и другіе находящіеся въ связи съ этимъ случаи творительнаго (соціативный, мѣста, времени, орудія, при страдат. сказуемомъ, ии и именахъ и нарѣчіяхъ, творит. причины и образа дѣйствія) 443—534 стр. Творительный, условленный страдательнымъ сказуемымъ, общій славянскимъ языкамъ съ санскритскимъ и языкомъ Вѣдъ, выводится Потебнею изъ творит. орудія изъ всѣхъ, приводимыхъ имъ объясненій другихъ ученыхъ, онъ всего больше согласенъ въ этомъ случаѣ съ Буслаевымъ; но Потебня особенно указываетъ на важность страдательности сказуемаго, которая и отличаетъ этотъ творит. отъ творит. орудія (стр. 367). Творительный, замѣняющій вторые согласуемые падежи, извѣстный подъ именемъ творит. признака и состоянія (Буслаевъ) или твор. предикативнаго, принадлежащій „къ своеобразнѣйшимъ явленіямъ славянскаго и литовскаго языка“ (ст. 493, 499), выводится Ал. Ао—чемъ изъ творит. образа въ частномъ случаѣ, какъ „пѣть соловьемъ“, „плыть гоголемъ“, „ити воеводою и т. п. (ст. 502), т. е. изъ того случая творит. образа, когда его субстанція совпадаетъ съ субстанціею подлежащаго: „ити воеводою“ близко къ „стать (быть) воеводою“.

Такимъ образомъ, въ этомъ капитальномъ трудѣ рассмотрѣны А. А. Потебней самыя характерныя, самыя важныя явленія синтаксиса; но, согласно со взглядомъ покойнаго на значеніе словъ „синтаксисъ“ и „этимологія“, о чемъ дальше, вѣрнѣе было бы назвать этотъ трудъ, какъ и всякій сравнительно-историческій трудъ, этимологическимъ, оставляя слово „синтаксисъ“ только для чисто описательныхъ грамматическихъ руководствъ. Во второмъ изданіи „Записокъ“ А. А. уже постоянно ссылается на Миклошича V. Gr. IV, во многомъ расходясь съ его объясненіями. Много ссылокъ и на разные другіе большіе труды (Буслаева, Гатталу, Шерцеля, Дельбрюка), обличаютъ огромную начитанность автора, не помѣшавшую ему быть, однако, вполне самостоятельнымъ и вездѣ высказать свой оригинальный взглядъ. Много замѣтокъ по синтаксису, или, вѣрнѣе, по этимологіи и семасіологіи разбѣяно также въ другихъ сочиненіяхъ А. А.—ча (напр. развитіе значенія нѣкоторыхъ словъ, выраженій, образованіе союзовъ изъ другихъ частей рѣчи и т. под.).

А. А. Потебня былъ представителемъ философскаго языковѣдѣнія. Въ этомъ отношеніи изъ западныхъ ученыхъ всѣхъ больше на него оказали вліяніе Вильгельмъ Гумбольдтъ („Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts“) и Штейнталь („Grammatik, Logik und Psychologie“ и „Characteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues“). Для уясненія этого мы должны обратиться къ сочиненію „Мысль и языкъ“, написанному А. А.—чемъ въ ранней молодости (въ 1862 г. уже напечатано); но, не смотря на то, что автору было только 26 лѣтъ, онъ показалъ не только большую начитанность въ классическихъ европейскихъ сочиненіяхъ по философіи и общему языковѣдѣнію; но и большую самоостоятельность и глубину мысли. Въ виду библиографической рѣдкости этого сочиненія, рѣшаюсь сообщить въ короткихъ словахъ его содержаніе, выписавъ цѣликомъ болѣе важныя мѣста. Послѣ критики различныхъ мнѣній о происхожденіи языка, начиная съ прошлаго столѣтія, которая заканчивается разборомъ мнѣнія В. Гумбольдта, стоявшаго „на рубежѣ двухъ направленій науки“, „геніальнаго предвозвѣстника новой теоріи языка, невольнѣ освободившагся отъ оковъ старой“ (т. е. логической грамматики) (Ж. М. Н. Пр 1862, CXIII, ст. 42), Потебня въ гл. IV-й переходитъ къ вопросу о соотношеніи языковѣдѣнія къ психологіи, излагаетъ Гербартову теорію представленій; въ слѣд. главѣ говоритъ о чувственныхъ воспріятіяхъ, затѣмъ о рефлексивныхъ движеніяхъ и образованіи членораздѣльнаго звука; въ VII-й главѣ о языкѣ чувства и языкѣ мысли; въ VIII-й—о словѣ, какъ средствѣ апперцепціи; въ IX-й о представленіи, сужденіи, и понятіи; въ послѣдней X-й о поэзіи и прозѣ. Эта послѣдняя глава особенно важна для уясненія взгляда Потебни на языкъ. Здѣсь онъ различаетъ поэтическое (символическое, образное) и прозаическое мышленіе. Здѣсь же выставлено различіе формы внѣшней (звуковой) слова и внутренней (способа выраженія). Высказывается Гумбольдтовскій взглядъ, что поэзія и проза суть „явленія языка“: „Изъ языка, первоначально тождественнаго съ поэзією, слѣдовательно изъ поэзіи, возникаетъ позднѣйшее раздѣленіе и противоположность поэзіи и прозы, которыя, говоря словами Гумбольдта, должны быть названы „явленіями языка“ (ib. CXIV, ст. 109). Указывается на противоположность поэзіи и науки; поэзія мыслить конкретно, образами, представленіями, чѣмъ удовлетворяетъ врожденной человѣку потребности видѣть вездѣ цѣльное и совершенное; „наука раздробляетъ міръ, чтобы сѣизнова сложить его въ строй-

ную систему понятій“ (111 ст.), чего однако никогда почти не удастся. Тутъ же высказывается и мысль о субъективности науки, которой А. А. держался до послѣдняго времени: „Въ обширномъ и вмѣстѣ строгомъ смыслѣ, все достояніе мысли субъективно, т. е. хотя и условлено виѣшнимъ міромъ, но есть произведеніе личнаго творчества; но въ этой всеобъемлющей субъективности можно разграничить объективное и субъективное и отнести къ первому—науку, ко второму—искусство“ (стр. 111). Высказывается мысль объ относительности понятій субъективнаго и объективнаго: „Безъ сомнѣнія придетъ время, когда то, что намъ представляется свойствомъ самой природы, окажется только особенностью взгляда нашего времени“.. „Нѣтъ ничего легче, какъ съ высоты, на которую безъ нашей личной заслуги поставило насъ современное развитіе человечества, презрительно взирать на все, отъ чего мы уже отошли на нѣкоторое разстояніе“ (ib. ст. 122).

Изъ этого сочиненія мы видимъ, какъ рано у Потебни сложился тотъ трезвый взглядъ на развитіе человечества, языка и науки, который онъ высказывалъ въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ (во „Введеніи“ и въ напечатанной 2-й ч. „Записокъ по рус. грам.“). Много подобныхъ мыслей пришлось слышать отъ А. А.—ча на лекціяхъ послѣдняго года. Онъ говорилъ, что наука всегда субъективна и національна, такъ какъ есть плодъ усилій немногихъ ученыхъ, находящихся въ зависимости отъ языка, которымъ пользуются; кажущаяся объективность науки достигается только до извѣстной степени по мѣрѣ ея отвлеченности, а потому наименьшей субъективностью отличается математика, хотя всетаки не все равно сказать: „дважды два“ и zweimal zwei, ибо каждое выраженіе носить слѣды своего особаго міросозерцанія.

Въ связи съ этимъ взглядомъ на науку находится нелюбовь Потебни къ рѣзкимъ и самонадѣяннмъ выводамъ, къ увлеченію одной теоріей въ ущербъ прочимъ. Уже въ 1865 г. онъ писалъ: „Исслѣдователю нечего ¹⁾ бояться упрека въ томъ, что онъ самъ не увѣренъ въ истинѣ своихъ словъ: если избранный имъ путь оказывается ложнымъ, то для другихъ польза въ томъ, что они увидятъ эту ложность“ („Два изслѣдованія“ I ст. 44 примѣч.). Увлекаясь одной теоріей, мы должны помнить и о предшествующей ей, а также и о томъ, что послѣ насъ другіе создадутъ новую; не слѣдуетъ думать, что мы сказали послѣднее

¹⁾ Въ сочиненіяхъ 60-хъ годовъ А. А. писалъ это и другія подобныя слова черезъ е, согласно съ принятой орѳографіей, но позднѣе по требованію этимологій черезъ ѣ

слово науки, а, какъ ошибались до насъ, такъ и мы можемъ ошибаться, и послѣ насъ всегда будутъ ошибки. Пониманіе языка въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ Ал. Аѳ. высказалъ и въ заключительныхъ словахъ автобіографіи, напечатанной въ приложеніи къ III-му т. „Исторіи русской этнографіи“, стр. 423 Пыпина. Такимъ образомъ въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ—3-й ч. „Записокъ“ и „Теоріи словесности“ онъ всего больше интересовался тѣми вопросами языкознанія, которые привлекли его вниманіе въ молодости.

До сихъ поръ я почти ничего не сказалъ о 1-й ч. „Записокъ по рус. грам.“, въ которой представлена критика опредѣленій корня, формы, предложенія и частей его. На основаніи этого и другихъ сочиненій и лекцій можно опредѣлить взглядъ А. А.—ча на языкъ. Вопреки мнѣнію Спенсера, считающаго языкъ тормазомъ мысли, А. А. говорилъ, что мыслить можно только при посредствѣ языка. Языкъ есть живой организмъ, который тѣсно связанъ съ мыслью человѣческой, постоянно измѣняется и, разрушая прежнія формы, постоянно создаетъ новыя. Въ противоположность нѣкоторымъ ученымъ, дѣлившимъ исторію языка на періодъ созданія формъ и періодъ ихъ разрушенія, А. А. говорилъ, что созданіе и разрушеніе формъ одновременны. В. Гумбольдтъ, говорившій о періодѣ созиданія (когда языкъ былъ цѣлю) и періодѣ употребленія (когда языкъ сталъ средствомъ), однако самъ находилъ, что въ дѣйствительности тѣснаго разграниченія этихъ періодовъ не существуетъ, а „постоянная работа духа, состоящая въ употребленіи языка, оказываетъ непрерывное вліяніе на самое строеніе языка, на созданіе формъ“, („Введение“, ст. 49—50). Языкъ, по мнѣнію Потебни, согласно съ этимъ ограниченіемъ Гумбольдта, употребляется и создается въ одно и то же время. Грамматическая форма не есть только звуковое выраженіе, а есть способъ выраженія вещественнаго содержанія, есть значеніе. Вслѣдствіе того, что различныя формы имѣютъ часто одно звуковое выраженіе, ихъ узнать можно только въ рѣчи, въ связи съ другими формами. Вообще всякое слово имѣетъ опредѣленное вещественное и формальное значеніе только въ рѣчи; вырванное изъ связи, оно не имѣетъ смысла. Нельзя на основаніи того, что новыя языки имѣютъ меньше звуковыхъ выраженій для извѣстныхъ категорій, чѣмъ древніе, говорить о паденіи формъ. Чтобы узнать, уменьшается ли число формъ въ данномъ языкѣ, нужно сосчитать не число различныхъ звуковыхъ окончаній, а число формальныхъ значеній (стр. 55—56), что обыкновенно не принимается во вниманіе. Противъ различенія формъ этимологическихъ и синтактическихъ (флексивныхъ и

описательныхъ) Потебня находилъ, что всякую форму можно разсматривать и съ этимологической и съ синтактической точки зрѣнія. По его мнѣнію, это не двѣ части грамматики, а только двѣ различныхъ точки зрѣнія на языкъ. Синтактическая точка зрѣнія—описательная, этимологическая—историческая. Какъ вещественное, такъ и формальное значеніе слова можетъ быть разсматриваемо и съ той и съ другой стороны. Синтаксисъ разсматриваетъ употребленіе словъ въ данный моментъ языка и опредѣляетъ значеніе словъ изъ сочетанія ихъ съ другими; этимологія изыскиваетъ путь, которымъ языкъ дошелъ до этого значенія (стр. 36—38 2-го изданія „Записокъ“).

Въ оставшейся не напечатанной 3-ей ч. „Записокъ“ А. А. затрогиваетъ такіе глубоко интересные вопросы философскаго языкознанія, какъ образованіе категорій существительныхъ и прилагательныхъ; старается опредѣлить, коково должно было быть первичное имя, и предполагаетъ, что первичное имя было всего ближе къ причастію, т. е. что въ немъ было заключено больше энергіи, чѣмъ въ нынѣшнемъ существительномъ, означающемъ дѣйствующее лицо. Восходя къ древности по памятникамъ древне-русскимъ и старо-славянскимъ, онъ старается указать, что разница между именемъ существит. и прилагательнымъ не была такъ рѣзка, какъ теперь, доказательствомъ чего служатъ такіа имена, которыя могли употребляться и въ качествѣ существительныхъ и въ качествѣ прилагательныхъ (прокъ, инокъ и т. п.), а съ другой стороны присоединеніе члена къ именамъ существительнымъ, уподоблявшее ихъ членнымъ прилагательнымъ (дѣвая въ Минеяхъ и друг. памятникахъ); также старается доказать, что древнѣйшее значеніе существит. есть значеніе (имя) дѣйствующаго лица. Эта близость къ прилагательному видна изъ паратактической атрибутивности существительнаго, массу примѣровъ которой привелъ А. А. изъ древне-русскихъ памятниковъ и народной поэзіи русской и славянской. Эта паратактичность существительнаго при своемъ опредѣляемомъ (церковь—Спасъ, церковь—Софія и т. п. вмѣсто нынѣшняго литерат. ц. Спаса и т. п.) восходитъ къ глубокой древности. Ссылаясь на Шерцля („Синтакс. др. индійск. языка“), А. А. приводилъ уже изъ языка Вѣдъ такіе примѣры, какъ „облакомъ—дождемъ“ (т. е. или „облачнымъ дождемъ“, или „дождевымъ облакомъ“), „ногами слонами“ (т. е. „ногами слоновъ“); но, что особенно важно,—*Indraya patave*—„Индръ питью“, т. е. для питья; здѣсь въ дательномъ атрибутивномъ, согласованномъ съ дат. лица, отлагательное существ., и, зная, что славяно-литовское неопредѣленное

наклон. этимологически восходить въ дат. и отглагольн. существъ (только въ иной звуковой формѣ, чѣмъ приведенная изъ Вѣдь), мы можемъ себѣ уяснить характерный славяно-литовскій оборотъ дат. съ неопредѣленнымъ.

Скажу теперь немного о другихъ научныхъ трудахъ А. А. Потебни. Они касаются главнымъ образомъ изученія народной поэзіи и народныхъ обрядовъ со стороны ихъ символики и остатковъ языческихъ вѣрованій. А. А. не особенно сочувствовалъ господствующей теперь теоріи заимствованія, объясняющей многія народныя преданія и вѣрованія изъ книжныхъ источниковъ христіанскаго времени, и болѣе придерживался старой міеологической теоріи, представители которой у насъ Аванасевъ и Буслаевъ. Мнѣ пришлось слышать отъ А. А.—ча три года назадъ слѣдующія слова: „Слишкомъ рано похоронили у насъ славянскую міеологію: сравненіе греческихъ именъ съ санскритскими показываетъ, что уже до раздѣленія Грековъ и Индійцевъ была развитая религія; странно было бы, если бы Славяне ея не имѣли. Не гомериды создали греческую міеологію; напротивъ, у нихъ видно уже скептическое и ироническое отношеніе къ богамъ. Умалчиваніе нашихъ лѣтописцевъ и другихъ или упоминаніе только ескользь о народныхъ вѣрованіяхъ объясняется презрительнымъ отношеніемъ монаховъ къ этимъ вѣрованіямъ. По отсутствію данныхъ нельзя дѣлать выводъ только отрицательный. Вѣдь, если бы не сохранилось „Слово о полку Игоревѣ“, пожалуй, кто нибудь сдѣлалъ бы выводъ, что у Славянъ не было народной поэзіи“. Съ этой точкой зрѣнія написаны нѣкоторые сочиненія 60-хъ годовъ и особенно „О міеическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. Первый печатный трудъ А. А.—ча былъ посвященъ символикѣ народной поэзіи. Къ этимъ занятіямъ онъ вернулся опять въ концѣ 70-хъ годовъ въ сочин. „Малорусская пѣсня по списку XVI в.“ и „Слово о полку Игоревѣ“, а затѣмъ уже въ 80-хъ годахъ въ большомъ прекрасномъ трудѣ „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень“; второй выпускъ заключаетъ разборъ поэтическихъ мотивовъ „колядокъ и щедровокъ“. Здѣсь описано много обрядовъ; объяснено символическое значеніе множества пѣсень, а иногда цѣлыя страницы этимологическихъ изысканій различныхъ обрядныхъ именъ. Въ I. 16—38 приводится критика того, что до сихъ поръ писалось о Лелѣ и Ладѣ, которыхъ считали многіе изслѣдователи божествами древнихъ Славянъ. А. А. указываетъ на то, что, „Лель, какъ имя божества, не фактъ, а очень шаткая догадка“. Приведя все, что извѣстно

о припѣвкѣ Ладо въ разныхъ пѣсняхъ великорусскихъ, малорусскихъ, сербскихъ и др., а также этимологию этого слова, А. А. въ концѣ говоритъ: „Для миѳологіи положительныхъ результатовъ здѣсь никакихъ“. Во II-мъ вып. стр. 41 повторено объясненіе Авсень, высказанное раньше уже въ сочин. „О миѳич. значен. нѣкот. обрядовъ и повѣрій“ (мнѣ пришлось его слышать отъ А. А.—ча также на словахъ). Находя въ памятникахъ XVII-го вѣка нѣсколько разъ ф. усень (коледу и усень), А. А. предполагалъ, что припѣвка овсень, авсень возникло изъ „ой усень“, „о усень“ (а—въ акающ. говорѣ); усень же возводится къ корню us—, что въ лит. auszrà „утренняя заря“, aūsza „разсвѣтаетъ“, лот. austrā—, ст. глав. оу(с)тро, латин. ugere аурога, греч. ἡώς, скрт. уш, ушас, ôшати, съ начинат. суф. уrīhami; а съ этимъ us онъ считаетъ родствен. vas—, что въ лит. pavasaris iszausza „весна (свѣтлая) разсвѣтаетъ“. т. е. настаетъ, скр. васанта, слав. весна, греч. ἔας, лат. ver. Суффиксъ въ усень тотъ же, что въ греб-ень и т. п. На стр. 166—167 помѣщена замѣтка о корочунѣ.

Я бы желалъ еще обратить вниманіе на педагогическіе взгляды А. А.—ча. Разъ, помню, въ 1887 г. на лекціи онъ сдѣлалъ отступленіе о преподаваніи русскаго яз. въ среднихъ школахъ, имѣя въ виду, что большинство его слушателей будутъ со временемъ преподавателями. По его мнѣнію, языку, а тѣмъ болѣе родному, слѣдуетъ учиться прямо изъ чтенія, не тратя много времени на зазубриваніе грамматическихъ правилъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ, неспособномъ понимать отвлеченности грамматики, по его мнѣнію, особенно слѣдуетъ избѣгать подробностей грамматическаго изложенія; кромѣ того, дѣти должны учиться преимущественно въ классѣ, а не отдавать только отчетъ въ своихъ урокахъ, заученныхъ дома. Я помню, что, высказывая этотъ взглядъ, онъ ссылался на Я. Гримма. Въ своей автобіографіи, а также и на словахъ онъ говорилъ про себя, что только потому могъ заняться всю жизнь грамматикой, что никогда не зубрилъ грамматическихъ правилъ. Сбивчивость и неясность ходячихъ грамматическихъ опредѣленій въ нашихъ учебникахъ онъ показалъ во „Введеніи“. Очень удобнымъ въ педагогическомъ отношеніи способомъ онъ считалъ наглядность и потому находилъ удобными опредѣленія индійскихъ грамматиковъ (bahuvrīhi собственно знач. „много рису“, по служить для означенія извѣстной категоріи сложныхъ словъ, образованныхъ по тому же принципу).

А. А. былъ образцовый профессоръ. Лекціи его отличались живостью изложенія; часто онъ увлекался и оставался въ аудиторіи сверхъ назначеннаго времени. Но особенно интересны бывали его частныя бесѣды у себя на дому, въ кругу своихъ учениковъ. Онъ обладалъ большимъ запасомъ поэзіи и эту-то поэтическую искру онъ вносилъ и въ свои бесѣды, и въ свои лекціи, и даже въ научныя статьи, не въ ущербъ, однако ихъ серьезности. Эстетическое чутъе у него было сильно развито, и онъ всегда умѣлъ по достоинству оцѣнить всякое произведеніе изящной литературы, за которой успѣвалъ слѣдить. Я не засталъ, но мнѣ передавали, что онъ неоднократно читалъ публичныя лекціи о произведеніяхъ новой литературы. Извѣстна статья его о Достоевскомъ; въ бумагахъ сохранились замѣтки о Л. Толстомъ. А. А. былъ превосходный чтець поэтическихъ произведеній. Обладая прекраснымъ практическимъ знаніемъ малорусскаго нарѣчія, онъ образцово читалъ лучшія творенія малорусской литературы; но восхищаясь наивной простотой языка старыхъ писателей 20-хъ и 30-хъ годовъ, Артемовскаго-Гулака и Квитки, онъ не особенно любилъ новыя малорусскія произведенія, написанныя б. ч. искусственнымъ и плохимъ языкомъ; изъ новыхъ онъ хвалилъ только Манжуру, мало извѣстнаго, но даровитаго поэта. Самъ А. А. тоже пробовалъ писать помалорусски: въ бумагахъ сохранился стихотворный переводъ Одиссеи на это нарѣчіе.

Какъ поэтъ и философъ, А. А. былъ большой любитель природы. Каждую весну онъ самъ занимался цвѣтами. Онъ интересовался ботаникой и читалъ Плинія; м. б., эту его склонность унаслѣдовалъ младшій сынъ, избравшій эту специальность въ университетѣ. Не лишнимъ считаю напомнить, что эта область естествознанія привлекла знаменитаго лингвиста Шлейхера и патріарха славяновѣдѣнія Добровскаго.

Въ заключеніе скажу, что, лично знавъ покойнаго, я сохранилъ о немъ самое симпатичное воспоминаніе, какъ о человѣкѣ. Онъ отличался замѣчательной снисходительностью и доступностью къ молодымъ начинающимъ ревнителямъ науки. Никогда онъ не отказывалъ въ совѣтѣ, указаніи; умѣлъ ободрить слабыхъ духомъ и сомнѣвающихся въ своихъ силахъ; не отказывался просматривать даже не особенно тщательно обработанныя сочиненія. Первое время по пріѣздѣ въ Харьковъ меня заинтересовали лирики и кобзари; я записалъ нѣсколько уже извѣстныхъ духовныхъ стиховъ и скудные остатки малорусскихъ думъ; съ ними я приходилъ къ Ал. Аѳ—чу; и онъ всегда съ удовольствіемъ просматривалъ мои неумѣлыя записи. У А. А.—ча не было ни тѣни

ученаго високомѣрія; онъ терпѣливо выслушивалъ сомнѣнія и возраженія и охотно бесѣдовалъ съ людьми непосвященными въ науку; эти качества находятся въ тѣсной связи съ выше изложенными философскими воззрѣніями его. Въ связи съ этимъ онъ никогда не относился предубѣжденно къ сочиненію только потому, что оно вышло изъ-подъ пера извѣстнаго автора, получившаго репутацію „ненаучности“, и съ терпѣніемъ принимался за чтеніе всякаго сочиненія, предметъ котораго могъ его интересовать; самое слово „научность“ было ему противно.

Вотъ все, что я могъ сообщить объ этомъ выдающемся ученомъ и философѣ и замѣчательномъ человѣкѣ.
